

С ВЕЧЕРА ДО ПОЛУДНЯ

Пьеса в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Жарков Андрей Трофимович — 62 лет.

Ким — его сын, 41 года.

Нина — его дочь, 30 лет.

Альберт — сын Кима, 16 лет.

Алла Васильевна — бывшая жена Кима, 40 лет.

Егорьев Константин Федорович — друг Жаркова, 52 лет.

Лева Груздев — молодой ученый, 31 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На сцене три комнаты. Слева комната Жаркова, справа комната Кима и Альберта, в центре столовая. Это квартира в высотном доме на площади Восстания в Москве. Через раскрытую балконную дверь видно только голубое чистое небо, и это заставляет нас предполагать, что квартира высоко.

Все члены семьи в центральной комнате. На диване Альберт. Глубоко утонув в мягком кресле и вытянув длинные ноги, сидит Ким. За столом Нина, а напротив нее глава дома — Жарков Андрей Трофимович. Перед ним листы рукописи, он читает.

Жарков. «...Казалось, никто никогда не увидит голубого неба и сверкающего солнца. Дожди, дожди! Они заливали котлованы, хлестали в лица строителям. Набухли не только ватники, штаны и рубахи — набухли глаза и души. И все же люди сооружали из бревен с набитыми тесинами гигантские сани и волоком, сначала в гору, а потом по размытой жидкой грязи бывшего поля ташили огромные маховики, трубы, чугунные корпуса машин. Когда-то изготовленные на заводах, вылизанные до блеска, опоясанные красной каемочкой масляной краски, свежие и нарядные, теперь они, облепленные грязью, выглядели в лучшем случае давным-давно отработанным хламом».

Жарков хотел перевести дух, и вдруг в наступившей тишине явственно послышалось мерное посапывание спящего человека. У всех вытянулись шеи — внимание на Кима. Это спал он.

Нина. Ким!

Ответа нет.

Альберт (*вскочил и подбежал к отцу*). Папа!

Ким не просыпается.

(*Трясет его за плечи.*) Папа!

Ким открывает глаза, осматривается, понимает случившееся, но решительно не знает, что сказать в сложившейся ситуации. Жарков неторопливо собирает листы рукописи, однако он нервничает, и часть листов валится на пол. Альберт подбегает, подбирает их, отдает деду. Жарков собрал листы, пошел в кабинет. Долгая пауза.

Ким. Как это я... Устал на тренировке...

Нина, Альберт ничего ему не ответили.

Ты говорила — хлеба надо купить, я сбегаю. (*Нашел ивовскому, взял из буфета деньги, пошел, но остановился. Сыну, показывая на двери кабинета.*) Пойди, постарайся отрегулировать. (*Ушел.*)

Альберт пошел к кабинету деда, постоял у дверей, раздумывая — войти или нет. Решился, вошел.

Жарков. Я бы попросил не мешать.

Альберт. Дед, ты не очень переживай... Отец пришел с тренировки...

Жарков. Выйди, я работаю.

Альберт помялся у двери и вышел в центральную комнату.

Альберт. Не контактуется.

Нина. Давай потихоньку ужин налаживать.

Альберт пошел на кухню, вернулся в фартуке, с кастрюлей и картошкой, которую он стал чистить на краю стола.

(Придвинула к себе работу, пишет.) Как по-испански «вмещать», не помнишь?

Альберт. Вмещать? (Задумывается.) По-моему, контейнер.

Нина. Мне надо не по-твоему, а на самом деле. (Встала, идет к книжной полке.)

Альберт. Сиди, достану.

Нина. Ну-ну, хватит из меня инвалида делать.

Альберт. Смотри!

Нина. Смотрю! (Взяла с книжной полки словарь, листает страницы.)

Кон... контейнер... Надо же, точно! Башенция у тебя!

Альберт. Гений! Задача решалась несложно: если по-французски контейнер, по-английски — контейн, то ихний суффикс «эр», и готово! Кстати, и наш контейнер из этой компании.

Жарков переходит из своей комнаты в центральную.

Жарков. Егорьев как провалился...

Нина. Может, заболел.

Жарков (подошел к окну, смотрит на улицу). Еще один дом жгут. Вчера нарочно подошел поближе — чудесные доски, балки. Дерево сухое, выстоявшееся, лет семьдесят, поди, сохло. Пустили бы в дело. Хоть на те же рамы. Нет, давай, ребята, одним махом пали!

Альберт. Дед, экономически выгодней жесть.

Жарков (подошел к внуку, потрепал его по голове). Все вы теперь знаете... Как дела, домохозяйка? Лето идет, а ты в Москве пылишься. Чего в лагерь не захотел?

Альберт. Надоело: подъем, зарядка... ста-а-но-вись!

Жарков. Нет в тебе духа коллективизма. Я себя в молодости в одиночку и не помню.

Альберт. Папа хотел в Прибалтику путевки достать.

Жарков. Странно. Сказал — приду завтра, а скоро неделя этому завтра.

Нина. Позвони.

Жарков. У них в новом доме телефон еще не поставили.

Нина. Тогда съезди.

Жарков. Чего я поеду, — может, он просто не хочет. На аркане потяну, что ли.

Нина. Тогда жди.

Жарков (продолжая смотреть в окно). Здорово огонь жрет... Сквер, что ли, будет?

Нина. Наверное.

Жарков. Москва как на дрожжах поднимается. (Ушел.)

Альберт. Слушай, Нина, дед на самом деле писатель?

Нина. А кто же?

Альберт. Ты знаешь, у меня всегда странное чувство. Для меня писатели только те, которые умерли, а которые живут — как-будто они еще не писатели.

Нина. А кто же?

Альберт. Так... люди.

Нина. По-твоему, чтобы стать писателем, помереть надо?

Альберт. Не знаю. Может быть.

Нина. Слушай: практический совет. Ты вчера вечером на девятом этаже торчал со своей девочкой и прочее.

Альберт. Донесли?

Нина. Там телекамеру установили, по четвертой программе показываю. Мой совет: на четырнадцатом есть закуток, превосходный излишек архитектуры, совершенно необитаемый остров. (*Берет пачку сигарет, шарит в ней пальцами. Сигарет не оказалось.*) Поди стрельни у отца.

Альберт идет в кабинет.

В К А Б И Н Е Т Е

Альберт. Ниночке сосочку.

Жарков. На! (*Отдает начатую пачку.*) Отдай все, у меня еще есть...

Альберт. Дед, а мне понравилось, что ты читал.

Жарков. Не будь лживым.

Альберт. Видал? (*Кладет в рот шарик от настольного тенниса, будто глотает его, а потом вынимает из уха. Уходит.*)

В Ц Е Н Т Р А Л Ь Н О Й К О М Н А Т Е

Альберт (*отдает тетке сигареты*). Держи. Жалко деда.

Нина. Рассосется...

Звонок в дверь, Альберт идет открывать. Из прихожей вскоре слышится его голос и еще чей-то мужской. Альберт возвращается, за ним Лева Груздев — мужчина лет тридцати, в меру толстый, в меру худой, в меру элегантен, в меру скромно одет.

Лева (*улыбаясь*). Пустите?

Нина (*опомнившись*). Батюшки! Явился все-таки.

Лева (*продолжая улыбаться*). Что значит — все-таки?

Нина. Все-таки девять лет.

Лева (*подходя, здороваются*). Здравствуй, Нина.

Чувствуется их неловкость.

Нина (*встала*). Здравствуй, Лева. Это Альберт, сын Кима.

Лева. Батюшки! Батюшки! Я тебя помню — ты в первый класс собирался.

Нина (*Альберту*). Узнаешь Леву Груздева?

Альберт. Батюшки! Батюшки! Совсем нет.

Все смеются тем неловким смехом, когда еще не установились контакты.

Нина. Какой ты респектабельный.

Голос Жаркова. Кто пришел?

Нина. Не отгадаешь. Выйди полюбуйся.

Входит Жарков.

Лева. Здравствуйте, Андрей Трофимович, это я, Лева Груздев.

Жарков (*вспомнив*). Ух, пропавшая грамота! (*Здоровается.*) Рад, рад. Откуда?

Лева. Из-под Новосибирска. Есть там один городок...

Жарков. Слыхал, слыхал.

Лева. Тржусь на благо человечества.

Жарков. Давно в Москве?

Лева. Утром приехал. Толкался-толкался по гостиницам, пока ничего. Попозднее в «Киевской» обещали. Гуляю, думаю — дай зайду, авось не забыли.

Жарков. Не забыли. Туз?

Лева. Самое большее — валет.

Жарков. И это подходяще для твоего возраста. Оставайся ужинать. У нас просто. Потом поболтаем, заходи в кабинет.

Лева. Спасибо.

Жарков ушел.

Как его успехи?

Нина. Переменно.

Лева. А Валентина Семеновна как?

Нина. Мама умерла в прошлом году.

Лева. Да что ты! Ай-ай-ай! (*И почти без перехода.*) Я всего на два-три дня в командировку.

Звонок телефона.

Жаркое (*быстро взял трубку*). Вас слушают. Сейчас. Альберт, тебя к телефону!

Альберт (*взял трубку второго аппарата в столовой*).

Жарков трубку положил.

Алло! Да. Здравствуйте. Спасибо. Да, могу сейчас. Спасибо. (*Положил трубку.*) От мамы посылка.

Нина. Кто привез?

Альберт. Дроздовы.

Нина. В отпуск приехали?

Альберт. Я не знаю. (*Снял фартук, пошел на кухню.*) Дед, я картошку поставил, присмотри!

Лева. Представь, забыл, как зовут его мать.

Нина. Алла.

Лева. Да, да, Алла Васильевна. Она что — на юге?

Нина. Очень на юге. В Бразилии.

Лева. Батюшки, как ее туда занесло?

Возвращается Альберт.

Нина. Купи заодно корму на ужин.

Альберт. Чего?

Нина. Чего-нибудь выдающегося, у нас гость.

Альберт достает из ящика буфета деньги.

Лева. Хотел тебе цветов купить, да побоялся...

Нина. Почему?

Лева. Вдруг, думаю, ты меня этими цветами и по носу... (*Смеется.*)

Вдруг за окном раздается странный крик.

(*Испуганно.*) Что это?

А л ь б е р т. Режут кого-нибудь на улице.

Крик повторяется.

Л е в а. Серьезно.

Н и н а. Seriously! Душат, возможно. *(Смеется вместе с Альбертом.)*

А л ь б е р т. У нас же зоопарк под окнами. Вон... *(Показал на улицу.)*

Л е в а *(подходит к окну)*. Да, да, я и забыл. Неужели все та же птица?

Н и н а. Может быть, та же, может — ее дети, может — новую привезли.

Л е в а. Надо будет выбраться полюбоваться зверушками. Давно не видел. Хороши, помню.

А л ь б е р т. А я зверей в зоопарке не люблю. И в цирке тоже. В них достоинства нет. Виляют хвостами и ждут своего куска мяса, или рыбы, или еще чего. Смотреть противно.

Л е в а. Что сделаешь — неволя!

А л ь б е р т. Вот когда они кричат, особенно, знаете, по утрам, часов в пять, когда просыпаются. Охают, стонут. Им, наверное, за ночь насытятся их джунгли, саванны, прерии, и они режут во все глотки. Вот крики эти я люблю. В них есть что-то жуткое, зато настоящее... Я ушел. *(Выходит.)*

Л е в а. Умен.

Н и н а. Все они в этом возрасте выставляются.

Л е в а. Главная игрушка в доме?

Н и н а. Есть грех.

Л е в а. Заметил.

Н и н а. А как же! Лучик света в полутемном царстве.

Л е в а. А по какому случаю Алла Васильевна в Бразилии?

Н и н а. Она ушла от Кима, давно.

Л е в а. Смотри, какие перемены. А парниша, значит, у вас?

Н и н а. Не будет же она его таскать по свету. Да и Ким не отдал бы.

Л е в а. Он где?

Н и н а. Ким? Должен сейчас прийти, за хлебом выбежал.

Л е в а. Где работает?

Н и н а. На Стадионе юных пионеров, тренер по легкой атлетике. *(Закуривает. Замечает взгляд Лева.)* Дымлю, Лева, дымлю.

Л е в а. Да, теперь все женщины курят.

Н и н а. Вот и я не хочу отставать от моды.

Л е в а *(осматривает комнату)*. Как-то у вас по-другому.

Н и н а. Запустение. Мне самой иногда кажется — из какого-нибудь угла выйдет привидение и скажет: приветик!

Л е в а. А что так?

Н и н а. Течение времени.

Л е в а. А именно?

Н и н а. Да и без мамы совсем кавардак. Как ни странно, именно на ней держалась гармония дома. Теперь всё мужики делают. Я помощница липовая. Работают они добросовестно, но топорно. Почин положил Алька. Проснулись мы утром после маминых похорон. Собрались вот у этого стола, моргаем глазами, Алька — на кухню. Смотрим — чайник несет, хлеб, масло, кашу сварил. Они там от школы в походах, видать, наловчились. Ну, и как-то склеил. *(Оглядывая стены.)* А ремонт... Квартира огромная. То заняться некому, то деньги куда-то уплывают. Что улыбаешься? Думаешь, известный писатель, по колению в деньгах ходит. А у него — забыли, когда в последний раз что-нибудь выходило... Пенсия, правда, солидная. Ким, да и я к тому же... Но живем безалаберно. Отец как был со своими размахами, так и остался. Иногда без копыя сидим, а попроси у него кто в долг — вон часы со стены снимет, про-

даст и виду не покажет. Наоборот, шикарным жестом проделает... А точнее — всем все равно. Тыфу, черт, что это я заныла!

Л е в а. Раньше я проходил мимо вашего дома, задирал голову, мне казалось — в этом доме живут самые счастливые люди. Только счастливые.

Н и н а. Как же! Всеяли-то сюда кого! Когда узнавали, что я живу в уютном, менялось отношение. Непременно думали — чья-нибудь дочка.

Л е в а. Ты и есть дочка известного писателя.

Н и н а. У Ильфа в записных книжках удачно сказано: «Очень известный в прошлом году писатель».

Звонок в прихожей.

Открой, пожалуйста.

Лева идет открывать. Возвращается с Егорьевым.

Е г о р ь е в. Здравствуйте, Нина Андреевна!

Н и н а. Слава богу, объявились! И очень кстати. Отец без вас все комнаты из угла в год перемерил.

Е г о р ь е в. В Кострому уезжал.

Н и н а. Познакомьтесь. Бывший друг моего бывшего детства Лева Груздев.

Л е в а (*здороваясь*). Очень приятно.

Е г о р ь е в. Егорьев Константин Федорович.

Н и н а (*зовет*). Папа, Константин Федорович пришел.

Но Жарков в своем кабинете нарочно уткнулся в рукопись.

Папа!

Е г о р ь е в. Ничего, я пройду к нему. (*Уходит в кабинет.*)

В К А Б И Н Е Т Е

Е г о р ь е в. Здравствуйте, Андрей Трофимович.

Ж а р к о в (*обиженно и как будто не ожидал Егорьева*). А-а-а! Урвал все-таки между делом.

Е г о р ь е в. Срочно укатить пришлось.

Ж а р к о в. А то, может, надоел? Ты не стесняйся. Я в своей жизни обузой никому не был и быть не позволю. Неохота — отчаливай.

Е г о р ь е в. Извините, не мог предупредить. Срочно вызвали, ночным выехал.

Ж а р к о в. Ничего, ничего, мы привычные. В этом же доме: раньше, бывало, иду — чуть не в пояс гнутся, смотреть противно. А теперь нос воротят, будто не замечают.

Е г о р ь е в. Экспертиза требовалась, меня и послали.

Ж а р к о в. Шваль — она себя в любую погоду показывает, как болячка.

Е г о р ь е в. На шваль и обижаться не следует.

Ж а р к о в. Это говорить легко. Велика ли вошь, а кусает.

Е г о р ь е в. Как дела?

Ж а р к о в. Дела идут — контора пишет.

Е г о р ь е в. Закончили?

Ж а р к о в. В общих чертах... Есть время или куда галопом?

Е г о р ь е в. Есть, есть, абсолютно некуда спешить.

Ж а р к о в. Тогда садись.

Егорьев садится в кресло.

Садится к столу, пододвигает рукопись, раскрывает листы. Набирайся терпения. страдай.

В то время как он пододвигал рукопись и находил нужное для чтения место —

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Л е в а. Кто-то из новых знакомых?

Н и н а. Наоборот, очень старый. Еще когда отец работал на строительстве, встречались. В тридцатых. Потом потерялись, а не так давно встретились снова. Константин Федорович — специалист в области синтетических стройматериалов, крупнейший.

Л е в а. Шишка?

Н и н а. Агроматная.

В КАБИНЕТЕ

Ж а р к о в (*читает*). «Зима пятьдесят девятого была некрепкая, развалистая, и даже в декабре переходить реку по льду было небезопасно. А уж чтобы пустить грузовой транспорт, и речи быть не могло. Строительство начало лихорадить...»

Свет в кабинете Жаркова гаснет.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Н и н а. Тянет, значит, на место преступления?

Л е в а. Ну вот...

Н и н а. Ладно, ладно, не буду смущать. Зашел, и спасибо. Молодец. И не пугайся.

Л е в а. Чего?

Н и н а. Мужики избегают баб, от которых смываются.

Л е в а (*показывая на листы бумаги на столе*). Работа?

Н и н а. Да. Числюсь инженером в Институте стали и сплавов, а фактически переводчик. Переучилась. Заочно иняз кончила. (*Взяла в руки журнал, показала.*) Вот перевожу дискуссию по поводу — какой способ производства стали дешевле: кислородно-конверторный или мартеновский.

Л е в а (*будто заинтересованно*). И какой же?

Н и н а. Откуда я знаю! Весь мир об этом спорит... Видишь, обратно к жизни приобщаюсь. Не бывать бы счастью...

Л е в а. Самочувствие как?

Н и н а. Вполне. Говорят: вот-вот — и хоть снова по горам. Ты это дело забросил?

Л е в а. Ничуть. Нынче маленькой компанией на Алатау собираемся.

Н и н а. Завидую.

Л е в а. Ты еще дешево отделалась, Нина. Вспомни Вовку.

Н и н а. Верно. Такой увалень был, и на тебе — бросился, дурачина, за мной.

Л е в а. Мы все бросились. А его как-то вынесло вперед... Ты, конечно, не думай, он не из-за тебя погиб. Такой же несчастный случай...

Н и н а. А может, из-за меня? Он все исподлобья на меня посматривал. Чудной был парень... А ты? Интересно работаешь?

Л е в а. Сверх! Чудом попал в самый интересный отдел. Везет.

Н и н а. Везенье, Лева, ни при чем, ты способный.

Л е в а. А там нельзя быть неспособным, Нина. Там такие волшебные условия. И атмосфера... какая атмосфера! Дружная, веселая! Потом — общая обстановка исключительная. Все с нами считаются. Ну, ты понимаешь, у нас не трикотажная фабрика, не кондитерская. Сама понимаешь, какое к нам отношение. Доверяют почти абсолютно. Материально вполне хорошо. Квартирные условия тоже подходящие. Ясли там всякие, садики, детишек

мамы-папы хотят видят, хотят нет. Парки. Даже свой театр есть. Да, да, настоящий театр, профессиональный. И играют не какие-нибудь примитивки — у нас, знаешь, объяснять прописи некому, все образованные, — а только самые отборные, больше комедии. Мы, люди серьезные, посмеяться любим. Иногда какую-нибудь интеллектуальную затребуем, чтобы потом в перерывах мозги на отвлеченные темы друг дружке об зубы почесать. А главное — люди, Нина, какие у нас люди — один к одному!

Н и н а. Рай?

Л е в а. Вроде. Сейчас здесь в Москве иду по улицам и думаю: господа, разве это город? Бегут, толкаются, прямо под красным светом между машинами шныряют, милиционер свистит. Какие-то за чем-то очереди, шум, гам.

Н и н а. А меня когда из Евпатории в Москву привезли, этот шум-гам как музыку слушала. Видать, насквозь москвичка.

Л е в а. А я, очевидно, ренегат. Мне везде хорошо, где мне хорошо. *(Смеется.)* Каждый раз как из Москвы возвращаюсь, нарадоваться не могу.

Н и н а. В Москве часто бываешь?

Л е в а. Стараюсь реже. *(Вдруг поняла, о чем подумала Нина.)* Я не заходил к тебе, потому что...

Н и н а. Ладно, ладно, не разводи патоку. Я же тебе говорю — рада.

Л е в а. Искренне?

Н и н а. А я давно разучилась притворяться.

Шум в прихожей.

Л е в а. Кто-то пришел.

Н и н а. Это свой. У всех ключи есть.

Входит К и м. В руках у него сетка с хлебом.

Л е в а. Здравствуйте, Ким.

К и м. А-а-а... *(Быстро оглядел Леву с головы до ног.)* Здравствуйте, Лев. *(Сестре.)* Как отец?

Н и н а. Оттаивает.

К и м. Я хлеба на два дня купил.

Л е в а. Давно вас не видел, Ким.

К и м. Как раз столько же, сколько и я тебя.

Л е в а. Как жизнь?

К и м. Отлично.

Л е в а. Как работа?

К и м. Лучше всех.

Звонок телефона.

Н и н а *(взяла трубку)*. Алло! Да, дома. Пожалуйста. Тебя, Ким.

К и м *(беря трубку)*. Слушаю. А! Здравствуй, Боря. Завтра нет, выходной... Побегай один... Да не перебирай... Не жила нужна... Технику отработывай, технику. Будь здоров. *(Положил трубку. Сестре.)* Шкет у меня один сегодня отличился, стометровку за десять и пять прошел.

Н и н а. Случай?

К и м. Думаю, нет. Великолепные ноги.

Л е в а *(шутливо)*. А голова?

К и м. Одним голова, другим руки, третьим ноги. Для разнообразия в природе. А то представь: кругом одни умные головы, ни одного дурака. И посмеяться не над кем. *(Ушел к себе.)*

Л е в а *(глядя вслед Киму)*. Как постарел... Ему сколько?

Н и н а. Сорок один.

Л е в а. На все пятьдесят потянет.

Н и н а. Неужели? А я и не замечаю.

Л е в а. И сердит.

Н и н а. Это он давно такой.

Л е в а. Понимаю.

Н и н а. Не только оттого, что Алла сбежала. Знаешь, когда спортивные звезды восходят, все видят, приветливо машут ладошками, а когда закатываются, кто замечает? Только самые близкие.

Л е в а. Он, по-моему, на звезду так и не вытянул.

Н и н а. Чуть-чуть.

Л е в а. Чуть-чуть, Ниночка, это и есть в науке решение проблемы. Нет чуть-чуть — и ничего нет.

Ким вдруг вскочил, пошел в центральную комнату.

В Ц Е Н Т Р А Л Ь Н О Й К О М Н А Т Е

К и м. Альберт где?

Н и н а. Ушел.

К и м. Вижу, что ушел. Куда?

Н и н а. К Дроздовым. Посылка пришла.

К и м. Опять эта особа выставляется. Напиши ты ей, что я не хочу этих ее паршивых посылок.

Н и н а. Возьми и напиши.

К и м. Парень растет нормальным. Так ей надо яд в него вливать, яд.

Н и н а. Подумаешь, какое-то там барахлишко...

К и м (*Леве*). Ты представляешь — видимо, и Нина тебе уже сказала: мы с Аллой — пшик! — в разные стороны. Она где-то там у черта на рогах. Ты скажи объективно: шестнадцатилетнему парню, когда и сознание, и вкусы, и все так нестойко и восприимчиво, она шлет оттуда какие-то пестрые куртки, рубашки, пластинки с этой психической музыкой...

Н и н а. И что особенного?

К и м. А они, молодые, клюют. Клюют на пластинки, на галстуки, на рубашки. И их — раз, подсекли и тянут к себе, тянут. Они же не понимают. А она-то должна понимать. Не маленькая, должна. Какая бы ни была женщина, элементарные вещи должна соображать. Как была без одного винтика, так и осталась. Попугай! Попугай! Хочешь, я тебе ее портрет покажу?

Л е в а. Да.

К и м. Оттуда прислала. Очень ее выражает, очень!

Л е в а. Ким, мне кажется, вы преувеличиваете. Мать — ей хочется.

К и м. Надо думать не о том, что ей хочется, мало ли чего ей хочется, а что ему полезно или вредно. Я знаю, чего ей хочется.

Л е в а. Чего?

К и м. Хочется перед мальчишкой выглядеть шикарно. Вот, мол, я какая, вот, мол, мы какие там заграничные! Она же его манит. Я знаю, манит, манит. Всадница! (*Леве*.) Хочешь послушать эту музыку? (*И, не дожидаясь утвердительного знака, побежал в свою комнату.*) Сейчас я тебе доставлю удовольствие. (*Налаживает проигрыватель.*) Узнаешь ее вкус. Наслаждайся, это сногшибательно! Она тут вся, со всеми потрохами! (*Включил проигрыватель.*)

Музыка. Ким усилил звук, и она гремит, сотрясая стены.

В К А Б И Н Е Т Е

Жарков (*читает, стараясь перекрыть музыку*). «Зина стремительно помчалась к прорабу и, задыхаясь от бега, от ветра, а главное, от охватывающего ее волнения, еле слышно прошептала потрескавшимися губами: „Петр

Степанович, идите в четвертый барак, идите, там...» (Разъяренный, вскочил, вошел в центральную комнату. Еле сдерживаясь.) Кто это развлекается?

Н и н а. Ким демонстрирует пластинки.

Ж а р к о в (вошел в комнату Кима, сорвал мембрану с пластинки).

Тишина.

Приспичило?

К и м. Я хотел...

Ж а р к о в (передразнивая). Многого ты в жизни хотел, хотило! (Ушел и, проходя через центральную комнату, мягко пояснил.) Мешает работать. (Прошел в кабинет.)

В К А Б И Н Е Т Е

Ж а р к о в. Извини, Константин Федорович.

Е г о р ь е в. Ничего, ничего. Я понимаю.

Ж а р к о в. Возьму чуток выше.

Е г о р ь е в. Как вам удобно.

Ж а р к о в. Немного осталось, потерпи.

Е г о р ь е в. Какой вы...

Жарков читает тот же отрывок. Свет в кабинете гаснет.

В Ц Е Н Т Р А Л ь Н О Й К О М Н А Т Е

Входит виноватый Ким.

Л е в а. Музыка действительно впечатляющая.

К и м (сестре). У отца есть, что ли, кто?

Н и н а. Константин Федорович приехал.

К и м. Что ж ты не сказала!

Л е в а. Вы хотели показать портрет Аллы Васильевны.

К и м. Потом...

Л е в а. Поссорились?

К и м. Это я виноват. Писательское самолюбие зацепил.

Н и н а. Будет, будет... Ты сам что сегодня, особенно не в своих?

К и м. Тренера Антонова, моего учителя, — помнишь? — на хозяйственную работу перевели. Лицо у него было... Эх! Видела бы ты...

Л е в а. Ким, хозяйственная работа тоже работа.

К и м (смотрит на Леву долго, колюче). Конечно. Ты, наверное, кандидат наук?

Л е в а. Да.

К и м. К докторской подбираешься?

Л е в а. Делаю поползновение.

К и м. Скоро?

Л е в а. На будущий год надеюсь осилить.

К и м. Всадник, наверное? (Ушел к себе, лег на диван.)

Л е в а. Всадник — это означает что-то оскорбительное?

Н и н а. Чепуха! Выдумки его нездоровой фантазии.

Л е в а. Что делать с обиженными судьбой?

Н и н а. Всех вешать. На свете должны жить только удачливые, верно?

Л е в а (смеется). Желательно.

Н и н а. Вообще-то на стадионе мальчишки его обожают, и, очевидно, взаимно.

Л е в а. А Алла Васильевна бывает здесь?

Н и н а. Раз в году. Но сюда не заходит и Альберта не видит. Ким, когда узнаёт, что она едет, берет отпуск и уезжает с Альбертом то на Кавказ, то на Байкал, туристами ходят. Нынче на август взял в Прибалтику. Она в августе собирается.

Л е в а. Боится — мальчишка уйдет к матери?

Н и н а. Альберт вырос — паспорт нынче получил... Уйти не уйдет, а по-баиваемся — придет, поманит...

Л е в а. От такого, знаешь, и может...

Н и н а. Нет, не думаю.

Л е в а. Там — Бразилия.

Н и н а. А тут мы. Он дом любит... Кстати, а твои где?

Л е в а. Со мной, на полном обеспечении.

Н и н а. Не жалуются?

Л е в а. Нет резона.

Н и н а. Слушай, ты разродись, произнеси главное. Женат?

Л е в а. Нет.

Н и н а. Она!.. И не был?

Л е в а. Не был.

Н и н а. Стрекозлом, что ли, скачешь?

Л е в а. Не женат, но без пяти минут.

Н и н а. А!.. Ко мне забежал взять отпущение грехов перед свадьбой?

Л е в а. Ну, если хочешь...

Н и н а. Чего хочу?

Л е в а. Ну, так говорится... Все-таки есть на душе камень..,

Н и н а. Ты совестливый. Другие столько этих камней таскают — каждый по дюжине, а бегают как миленькие, будто порожняком.

Л е в а. Это верно.

Н и н а. Жених должен быть чистым. Про невесту раньше, говорят, пели: грядет голубица. А про жениха — грядет голубец, что ли? Хотя нет, голубец — это пищевой продукт. Голубок!

Л е в а. Ты здесь тоже стала немножко раздражительной.

Н и н а. У нас не рай, это точно.

Л е в а (*взглянув на часы*). Извини, пожалуйста, можно, я позвоню в гостиницу, узнаю, как с номером, просили в это время позвонить.

Н и н а. Давай. (*Пододвинула к Леве телефон.*)

Л е в а. Где-то у меня записан номер администратора.

Пока он ищет номер телефона и неоднократно набирает его, так как абонент, видимо, занят, действие переходит в кабинет.

В К А Б И Н Е Т Е

Ж а р к о в (*читает*). «В черной непроглядной ночи огни казались особенно крупными и яркими. Зина любовалась ими, ловила чутким ухом знакомый шум, и ей казалось, будто огромное живое существо дышит в этом бескрайнем пространстве, дышит глубоко, ритмично, и это существо было их общее, выстрадавшее нелегкими долгими месяцами дитя. Оно появилось на свет, существовало, жило». Все. Не заснул?

Е г о р ь е в. Нет.

Ж а р к о в. И это лестно.

Е г о р ь е в. С вами что-то произошло в эти дни, Андрей Трофимович?

Ж а р к о в. Ровнешенько ничего. С чего это тебе померещилось?

Егорьев. Какая-то чрезмерная чувствительность. Мне показалось...

Жарков. Раньше говаривали: кажется — перекрестись.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Лева. Занято.

Нина. Набирай без передышки.

В КАБИНЕТЕ

Жарков. Ну, валяй, одним махом, не деликатничай. Мы, писатели, народ привышный, рубленый.

Егорьев. По-моему, очень неплохо.

Жарков. Хорошо или неплохо?

Егорьев. Странно вы иногда умеете переворачивать смысл.

Жарков. А я писатель, глаз у меня сквозной, на кривой козе не объедешь. Дрянь, значит, писанина?

Егорьев. Почему дрянь?

Жарков. Вот я и спрашиваю — почему?

Егорьев. Видите, у Тургенева...

Жарков. Я не Тургенев, не Лев Толстой, не Антон Павлович, это мы уговоримся заранее, Константин Федорович.

Егорьев. Тогда я не знаю, как подойти к разбору вашего произведения. Я вас люблю и уважаю и не хочу сравнивать с теми писателями, которых не люблю, не уважаю и которых вообще за писателей не считаю. Разумеется, я плохой ценитель, Андрей Трофимович. Вероятно, у вас в Союзе писателей...

Жарков. У нас в Союзе писателей каждый свой взгляд норовит навязать. Мне нужно мнение читателя, а не писателя.

Егорьев. И читатели разные бывают. Одни любят литературу попроще, другие сложенную, а у иных эстетическое развитие столь невысоко, что они не могут провести грани между художественной литературой и нелитературой.

Жарков. Писаниной?

Егорьев. Вроде.

Жарков. Мои опусы из этого разряда?

Егорьев. Нет.

Жарков. Да! А я вот что вам скажу, Константин Федорович. Пренебрегать читателем, у которого вкус еще не до того развит, чтобы Марселем Прустом или Кафкой упиваться, тоже негоже. Ему, чтобы ваших рябчиков с душком расчухать, через эту самую «нелитературу» пройти надобно. На чем русский народ учился, когда при дворе уже Руссо и Вольтера почитывали, а? На лубках, на самых примитивных, на похабных даже... Я свое место понимаю, но и то, что тут накалякано, тоже не последнее дело.

Егорьев. Ну что же, «ты сам свой высший суд, всех строже оценить сумеешь ты свой труд».

Жарков. Не надо, Константин Федорович, Пушкину за спину забегать. Я свое мнение пока при себе держу, вашего дожидаюсь.

Егорьев. Разрешите взглянуть глазами. *(Берет рукопись.)*

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Лева *(наконец дозвонился)*. Алло, это администратор? Товарищ Веников говорит ученый Груздев из-под Новосибирска относительно двести восемнадцатого номера, вы обещали... Спасибо, я подожду. *(Нине.)* Сейчас узнает.

Между прочим, очень симпатичный дядька попался. *(В телефонную трубку.)* Да, да, слушаю. Как — нет? Вы же обещали... *(Положил трубку.)* Даже говорить не стал. Редкий хам.

Н и н а. Ну уж, сразу и редкий. Обыкновенный. Оставайся у нас, если не боишься. Вот диван в твоём распоряжении.

Л е в а. Удобно ли?

Н и н а. Очень удобно. Он мягкий.

Л е в а. Не стесню?

Н и н а. Какой ты деликатный стал, Лева. Раньше гоню тебя из парадного, гоню, а ты до рассвета: постоим да постоим. Нахал был. *(Смеется.)*

Л е в а. Остаюсь.

Н и н а. Узнаю храброго... Помнишь, после экзаменов мы компанией гуляли веселенькие? Ты все рвался перелезть решетку зоопарка, отыскать своего родственника льва. Кричал: «Дайте я пожму его лапу!» Мы тянули тебя с забора, боялись — вдруг лев не признает родню, сожрет. Тебя потом долго дразнили «храбрый Лева».

Л е в а. Да, безобразили мы тогда лихо.

Н и н а. Есть что вспомнить... Ты, наверно, с голоду помираешь, деликатный. *(Зовёт.)* Ким, ужинать накрывай! Отец, прием пищи!

В К А Б И Н Е Т Е

Ж а р к о в *(отбирая у Егорьева рукопись).* Ладно, не пыхти. Пойдем, похватай калорий, духу прибавится.

Е г о р ь е в. Неплохо, честное слово, неплохо.

Ж а р к о в. Пошли! Водки выпьешь и изречешь истину.

Идут в столовую.

(Киму, который уже помогает сервировать стол.) Там в холодильнике достань. Отметим окончание. Мой верный друг Константин Федорович прямо сказал: неплохо. Неплохо — это значит хорошо. Ведь так устроен русский язык, а? Выйдет книга, денег отхвачу кучу, ремонт произведем, все золотой краской выкрашу.

К и м. Не сглазь.

Ж а р к о в. Чего?

К и м. Пока книга не вышла.

Ж а р к о в. И не выйдет, да?

К и м. Почему?

Ж а р к о в. Вот, Константин Федорович, нет пророка в своем отечестве. Не верят. Этот особенно.

Л е в а *(Жаркову).* Знаете, когда у нас сдают работу, все тоже вот так натянуты и нервны. К шефу не подходи — разгрызет.

К и м. Это из-за меня. *(Отцу.)* Ну что ты злишься, я виноват, извини, пожалуйста. *(Егорьеву и Лева.)* Папа читал свою рукопись, а я заснул.

Н и н а. Ким, не афишируй свои доблести.

Ж а р к о в. Ты не заснул, а притворился спящим, вот в чем подлость.

К и м *(радостно).* Что ты, я заснул, честное слово, заснул.

Ж а р к о в. Притворился!

К и м. Я до половины второго «Мастера и Маргариту» Булгакова читал. Сложно пишет, а оторваться нельзя. Потом тренировка была, за путевками забегал...

Ж а р к о в. Врешь, врешь и врешь! Притворился. Булгаков мне объявился! Физкульт-ура! Что ты сейчас в комнате делал? Читал? Лежал на диване, я

знаю! Все спишь, милый? Так вот и жену проспал. И сына как-нибудь продремлешь. Явится она в один прекрасный день, Альберт увидит, какая у него замечательная мать...

К и м. Даже если она сюда со взводом милиции пожалует — ни с чем выкатит.

Ж а р к о в. А у Альберта теперь паспорт, он сам решать будет.

Пауза.

Н и н а. Извержение вулкана.

Е г о р ь е в (*Жаркову*). Вот вы из-за чего сам не свой.

Ж а р к о в. Я сам и я свой. (*Накладывая себе на тарелку консервов из банки*.) Люблю частичку в томате. Знаю — дрянь консервы, а люблю, могу один банку съесть.

Н и н а. Альберт сейчас что-нибудь вкусное принесет.

К и м. Где он провалился!

Н и н а (*Лева*). Мы на консервы да на полуфабрикаты ждем. Как в походе.

Ж а р к о в. Второй год в этом походе идем.

Л е в а. Слыхал. Славная была женщина Валентина Семеновна.

Ж а р к о в. А на столовки не переходим. Дом — он все-таки объединяет, верно?

Л е в а. Не могу поддержать. Я общественная птица. Кафе, столовая, на бегу, на лету. Вы меня извините, но, по-моему, дом — это умирающее устройство. Может быть, и милое, но уходящее навсегда. И мне, представьте, нравится общественное бытие.

Н и н а. Женишься, тоже гнездо вить начнешь.

Л е в а. Не думаю. Посуда и пеленки — не мой удел.

Ж а р к о в. Детей вообще не надо, ну их к лешему, верно?

Л е в а. Дети детьми, но ничто не должно держать людей за руки. Тем более так называемый дом со всей своей сложнейшей и тяжелейшей механикой.

Н и н а. Где-то должно храниться человеческое тепло, Лева?

Л е в а. Я понимаю, многим может казаться это жестоким, но человечество вступает в новый цикл бытия, и оно решительно разрушает наши милые бабушкины патриархально-крестьянские взаимоотношения. Разрушает и дом.

Н и н а. Дома не будет. Не грустно ли это, Лева?

Л е в а. И больно, вероятно. А как было страшно боярам, когда Петр Великий вытряхнул их из долгополовых меховых шуб и переделал в кургузые кафтаны? В шубах человеческое тепло сохранялось густо и надежно. Но сквознячок не помешал. А как сейчас изменились взаимоотношения детей и родителей! Где авторитет отца? Где покорность или хотя бы элементарная вежливость детей? Улетучилась и продолжает улетучиваться. А ведь это самое полное разрушение дома. Иные семьи что объединяет? Крыша над головой, ночлег, — и все. Объединяет сон. А утро — и все в разные стороны, и каждый за своим. Еще пятьдесят — сто лет, и семейный дом будут показывать в музее.

Ж а р к о в. Смотри-смотри, тут, знаешь, есть своя логика.

Е г о р ь е в. Есть логика, но нет смысла.

Ж а р к о в. Свежий ветерок, Константин Федорович, свежий ветерок Нас под горочку, на канавку.

К и м. И правильно! И верно! Уйдет все под метлу истории! И поскорей бы! Пусть провалятся наши идиотские переживания. Кому они нужны? Ни обществу, ни тем более личности. Человек должен быть железным, целенаправленным, и не надо этой всякой там дружбы, великой, единственной любви...

Л е в а. Разрешите, я вам расскажу факт о единственной любви.

Н и н а. Ну-ка, ну-ка, давай об этом по-научному.

Л е в а. Да, объективно. К нам приехали ребята — молодые социологи, разослали кучу анкет, чуть ли не всем мужчинам. Подписи не требовалось. Вопрос был один: сколько раз вы любили? Выяснилось: ни одного, понимаете, ни одного ответа, где бы фигурировала эта знаменитая единая и неделимая. Два, три, пять, семь и, извините, больше. Заметьте, были опрошены деятельные, умные, современные...

Е г о р ь е в. ...животные.

Л е в а. Нет, Константин...

Ж а р к о в. ...Федорович.

Л е в а. Нет, Константин Федорович, у нас там все люди порядочные. Вы женаты?

Е г о р ь е в. Допустим.

Л е в а. Вы знали только свою жену? Пожалуйста, если возможно, откровенно.

Е г о р ь е в. Нет, я был женат дважды.

Л е в а. Вот видите!

Е г о р ь е в. Я женился рано. Потом у меня были неприятности, и жена оставила меня, потому что...

Л е в а. Это совершенно несущественно, почему и отчего. Видите, и она полюбила другого, и вы утешились, нашли другую... Это все естественно и в извинениях и пояснениях не нуждается.

Ж а р к о в. Погоди, погоди. Жена от него ушла, когда его мальчишкой по недоразумению арестовали. Он тогда желторотый был, подписал акт приемы со всей юношеской доверчивостью. Утром ревизия грянула, а на объекте такие безобразия обнаружили... Его, голубчика, потянули, а супруга сдрейфила, поскорей за одного полувоенного от страха выскочила!

Л е в а (*не сдаваясь*). Опять-таки это несущественно. Мы берем факт, так сказать, в чистом виде.

Е г о р ь е в. Социология — не бухгалтерия. Лев... Извините, как ваше отчество?

Л е в а. Можно звать просто — Лева.

Е г о р ь е в. К чему такая инфантильность, вы не ребенок.

Л е в а. Лев Иванович.

Е г о р ь е в. Обилие равно повторяющихся фактов, Лев Иванович, есть только предмет для размышления, а не объяснение явления. Например, один добрый человеческий поступок более выразителен, чем болтовня десятка злых людей о доброте.

К и м. У меня в секции взрослых один социолог занимается. Тоже все спрашивает, подсчитывает, вычисляет. Говорит — скоро я все объясню математически точно. А по-моему, совсем запутается и с ума сойдет. У него и сейчас так — голова дергается. От этого и в секцию записался.

Входит Альберт.

Н и н а. Ну, наконец-то. А посылка где?

Альберт не отвечает.

Что ты?

А л ь б е р т (*неестественно улыбаясь*). Мама приехала.

Н и н а. Когда?

А л ь б е р т. Она у Дроздовых. Ждала меня. Я ее видел.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Те же комнаты. Поздний вечер. В кабинете Жарков и Егорьев. На столе бутылочка. Они изредка потягивают вино. Егорьев просматривает рукопись.

Жарков. Ты, поди, на ночь больше Сартра или Хемингуэя почитываешь, а?

Егорьев. Я действительно новой литературой интересуюсь.

Жарков. Моя, значит, старая?

Егорьев. Я этого не сказал.

Жарков. Непонятный ты человек. Завтра, можно сказать, академиком будешь, пузо растить надо. Неужели тебя всякие модные свистуны сбивают? Ведь они отчирикают и слдохнут. Ты мне скажи, что ты больше всего в художественной литературе уважаешь?

Егорьев. Чудо. То, что откуда-то с неба падает помимо воли и разума. Чего никогда не выдумает. От чего все — и главные мысли твои, и характер, да и само содержание даже — особым смыслом освещается. Вот, например, возьми того же Гоголя...

Жарков. Да оставь ты классиков в покое. И так нас ими до смерти заколачивают. Ты лучше скажи, у кого теперь — с чудом?

Егорьев. Есть. И порядочно. Ну если не с чудом, то с небольшим чудиком. А маленькое чудо тоже чудо и тоже светит.

Жарков. Ах, Константин Федорович, большая ты голова, но в этом деле темная. Во-первых, писатель — это рабочая лошадь, а не поимщик чуда. Что же, по-твоему, я сидеть в кресле должен и ждать, когда это чудо с твоего неба ко мне с ладошкой свалится?

Егорьев (*подумав*). В общем, да.

Жарков (*продолжая*). А во-вторых, может, оно тебе туда в твои протянутые длани такое швырнет — потом весь век рук не отмоешь.

Егорьев. Мне думается...

Жарков. В наше время важно знать, что пишешь, для чего, для кого. Ты вот нос морщишь, а меня вчера в редакции похвалили, сказали — роман нужный, особенно для молодежи. И не какой-нибудь мелкий юнец это сказал, а человек почтенного возраста, всеми ветрами до седины продутый. Во-вторых, тема — у меня — не какая-нибудь комнатухенная или постельная...

Егорьев. Эта тема, Андрей Трофимович, и раньше в нашей литературе разрабатывалась.

Жарков. И что?

Егорьев. Видимо, ее надо подавать как-то по-новому.

Жарков. Как?

Егорьев. А вот это один талант знает.

Жарков. Так... крепко стукнул... За что я таких, как ты, интеллигентов не люблю: за чистоплюйство, за выставную честность. Я с вами себя все время жуликом чувствую, проходимцем. Да с какой стати! Чем я хуже вас? Если ты интеллигентный человек, ты не тычь мне в нос свою интеллигентность, пошادي, будь поделикатнее.

Егорьев. Я же вам ничего обидного не сказал, Андрей Трофимович.

Жарков. Все обидное. И чудо твое обидно, и это твое «что-то новое», думаешь, тоже приятно? И даже само слово «талант» в данном случае звучит как-то нехорошо... Чуда тебе надо. Не любишь ты советскую литературу, вот что.

Егорьев. И — враг народа. Человек вы прекрасный, Андрей Трофимович.

Жарков. А мне надо, чтобы ты меня за писателя считал.

Егорьев. Я считаю.

Жарков. Врешь. Где ты столько лет пропадал, когда меня и в газетах, и по радио до небес превозносили? Ведь читал, слышал? А не объявлялся. Почему? А когда меня кое-где прикладывать начали, ты вдруг высунулся. Считаешь меня за писателя?

Егорьев. Считаю.

Жарков. Я писатель?

Егорьев. Вы писатель.

Жарков. Повтори.

Егорьев. Вы писатель.

Жарков (*вдруг обхватил голову руками*). Ох-ох-ох-ох-ох!

Егорьев. Чего это вы?

Жарков (*как бы стряхнув с себя что-то*). Ничего, продолжай.

Егорьев. Вы описываете сегодняшнее строительство, а ведь оно у вас, Андрей Трофимович, на довоенной технике тащится... Вы меня извините, но и организация труда теперь иная. Вот возьмите ту сцену, где ваши строители по бездорожью чуть ли не целые корпуса волоком волокут...

Жарков (*останавливая*). погоди.

Егорьев. Не в этом, конечно, дело, приметы быта — они антураж, гарнир... В середине всей литературы — человек... Под увеличительным стеклом, под микроскопом, под ярким светом таланта... И возникает истина... Я читаю — она и мне открывается, и своим светом и в меня бьет... Я расту, так сказать, может быть, совершенствуюсь... А где этот человек в данный момент находится — в комнате, в степи, за чертежной доской, в постели с возлюбленной или перед судом стоит, — не все ли равно, он везде быть может и в любом положении достоин внимания... А нелитература — она все лжет про человека!.. И не совпадает... получаются два человека — один выдуманный, а другой настоящий, живет своей поразительной сложной жизнью... Много вы на земле всяких диковинных сооружений соорудили, да и я участие то тут, то там принимаю... А это ваше теперешнее занятие на самое великое строительство претендует — строительство человека, того, кто будет стоять на этой самой моей материальной базе. Кто там, на фундаменте-то, прогуливаться будет? Ежели какая скотина, так спрашивается: зачем я по ночам в командировки езжу? Не хочу тогда. А я верю — и езжу!

Жарков. Помолчи, Костя.

Егорьев. Не обижайтесь.

Молчат.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Лева вешает на спинку стула пиджак, потом вносит из прихожей чемоданчик и достаёт из него мыльницу, электробритву, зубную щетку, пасту.
Входит Нина. Она приносит постельные принадлежности, кладет их на стул, передает Лева полотенце.

Нина. Хочешь — сполоснись в ванной.

Лева. С удовольствием. Хоть и самолетом, а все-таки с дороги. (*Берет у Нины полотенце.*)

Нина (*не отпускает края полотенца*). Любопытно... Слушай, у тебя нет такого чувства, будто мы снова в этой комнате... и все вернулось обратно «в те баснословные года»?

Лева (*у которого этого чувства нет*). Действительно есть. (*Взял полотенце, бритвенные принадлежности и ушел, видимо, в ванную.*)

Нина стелет на диване постель. Ким выходит из своей комнаты.

Ким (*увидев, что Нина стелет постель*). Своего беглого обхаживаешь. Я бы его в загривок выставил.

Нина. Ты максималист, требуешь от людей более, чем им дано от бога.

Ким. Этот берет только от черта.

Нина. Что не спишь?

Ким. Дай — чего ты там на ночь глотаешь.

Нина. Дожил! (*Достаёт таблетку, даёт Киму.*)

Ким. Что это за чертовня?

Нина. Обыкновенный димедрол.

Ким. Не слохнешь от него?

Нина. Я, наверно, килограмм проглотила. Видишь — дышу.

Ким. Она нарочно тихо прискакала.

Нина. Конечно.

Ким. Хищная зверюга. Хитро подстроила. Вызвала, будто за посылкой. Такие — капканы ставить умеют.

Нина. Сам виноват. Нечего было прятать Альберта.

Ким. Мы уезжали, ты же знаешь.

Нина. Окстись, кому ты врешь! Тоже капканчики налаживать мастер.

Ким. Думаешь, претендовать на него будет?

Нина. Если нормальная мать, обязательно. Помнишь, как тогда ревели?

Ким. Напоказ! Этот номер у нее не пролезет.

Нина. Не трясись. Ну, повидается с ним и укатит. Не возьмет же с собой.

Ким. Хорошо, что мидовцам не разрешают с детьми старшего возраста жить по заграницам.

Нина. Разве не разрешают?

Ким. Нет. Я узнавал.

Нина. Чего же ты трясешься?

Ким. Взбаламутит она парня... Вот скажи, зачем он стал изучать португальский язык?

Нина. Так он...

Ким (*перебивая*). Потому что у них там в Бразилии по-португальски.

Нина. Ну-у, бредишь, просто бредишь! А французский ему зачем, английский? У парня дар божий. Радоваться должен.

Ким. Португальский — из-за нее.

Нина. Несчастный ты человек!

Ким. Альберт тебе не говорил, какие у нее планы?

Нина. Нет. А какие?

Ким (*зовет*). Альберт!

Альберт (*выходит из своей комнаты*). Что?

Ким. Она не сказала — зайдет сюда или нет?

Альберт. Кто «она»?

Нина. Мама.

Альберт. Мама сказала, что хотела бы вас всех повидать.

Ким. Зачем?

Альберт. Слушайте, что вы на меня наваливаете ваши взаимоотношения! Мама дала телефон. На, возьми. (*Достаёт визитную карточку матери, протягивает отцу.*)

Ким. Зачем она мне?

А л ь б е р т. Позвони, переговоры, выясни.

К и м. Что?

А л ь б е р т. Я откуда знаю — что! *(Молча постоял немного.)* Все?

Н и н а. Все, Альберт.

Альберт ушел.

К и м *(вертя в руках визитную карточку)*. Визитная карточка, ишь ты!

Н и н а. Веди себя поумнее, парень и так в расстроенных.

К и м. Что я такого сказал?

Н и н а. Смотри! Сам ему в ту сторону светофор открываешь.

К и м. Да? *(Вдруг быстро пошел в свою комнату. Весело.)* Слушай, тип, мне сегодня лихо повезло.

А л ь б е р т. В чем?

К и м. Догадайся!.. Путевки в кармане. *(Достает из пиджака путевки.)* Вот — твоя, моя. Тут вся Прибалтика. Таллин, говорят, хорош, Рижское взморье. Побродяжим, а?

А л ь б е р т. Побродяжим.

К и м. У меня точно — и деньги скопил, и путевки выхлопотал. Знаешь, их нарасхват, не так-то легко. Но у меня в ЦК профсоюза один старый друг обнаружился. Шурка Лапин. Не слыхал о таком?

А л ь б е р т. Нет.

К и м. О-о-о, в свое время великолепный спринтер был. Вы, молодые, ничего не помните... Я его за бока. В общем, побегал, а достал. Рад?

А л ь б е р т. Конечно.

К и м. На будущий год еще что-нибудь придумаем. Может, знаешь: Кизи, Валаам и прочее. Тоже, говорят, исключительно!

А л ь б е р т. Папа!

К и м. Что?

А л ь б е р т. Я не знаю, как тебе сказать...

К и м *(весь натянулся как пружина)*. Как всегда... попроще...

А л ь б е р т. Только ты не волнуйся.

К и м *(у него даже перехватило дыхание)*. Ну, ну... Я тебе по дороге записную книжку купил. Вроде дневника. Замечательная книжечка, чуть не забыл. Вот, видал, как стали у нас делать, — не хуже других, а может, и получше. *(Отдает Альберту книжку.)*

А л ь б е р т. Спасибо.

К и м. Что скажешь — хороша, верно?

А л ь б е р т. Отличная книжка, спасибо.

К и м. Да, у меня в группе экстра-парень объявился: стометровку за десять и пять прошел... Ну, что хотел сказать?

А л ь б е р т. Я, конечно, не поеду... но мама сказала... ей удалось добиться разрешения взять меня с собой в Лондон. На все лето. Их в Англию переводят. И если я хочу...

К и м. Совершенно ничего не понимаю!

А л ь б е р т. Ну... маме разрешили, чтобы я...

К и м. Что у нее за дикая мысль!

А л ь б е р т. Почему дикая? Она говорит: если я буду целое лето говорить по-английски... Кстати, к нам в страну многие приезжают изучать русский язык... И если я поеду туда... Маме разрешили...

К и м. Дикая, абсолютно дикая идея!

А л ь б е р т. По-моему, не дикая. По-моему, интересная.

К и м. Ты бы поехал?

А л ь б е р т. В принципе не вижу ничего особенного.

К и м. Что значит — в принципе?

Альберт молчит.

Хочешь?

Альберт. Я не поеду, конечно.

К и м (*врывается в центральную комнату*). Акула! Я же тебе говорил — она акула! Как это маленькие-то, самые хищные, называются, как? Как? Забыл! Как?

Н и н а. Что еще?

На крик Кима выходят Жарков, Егорьев, а позднее из ванной Лева Груздев.

Жарков. Можно, в конце концов, хоть ночью не орать, как в зоопарке.

К и м (*абсолютно не обращая ни на кого внимания*). И все делается тихой сапой, шито-крыто. Ей разрешили! Ловко! Бандиты. Им все разрешают. Им все подносят на блюдечке.

Альберт (*который вслед за отцом вошел в комнату*). Я не поеду, скал же.

Н и н а (*Киму*). Объясни ты — куда, кто, к кому, зачем?

К и м (*показывая на Альберта*). Вот он пусть объяснит, он! Вот эти пестрые платочки, свитерочки, пластиночки, картиночки, привет оттуда, не забывайте нас! И он готов мчаться! Ему на всех начхать с высокого дерева! Отец не помрет! Дед — подумаешь! Больная тетка — леший с ней! Туда, туда, в их общество!

Альберт (*еле сдерживаясь*). Я же сказал — не по-е-ду.

К и м (*всем*). Прилетела жар-птица, обронила перо, засверкало, аж в глазах больно у Иванушки-дурачка. Выхлопотала ему возможность ехать с ней в Лондон. Их туда определили. (*Альберту*.) Собирайся, принц, лошадь подана, у крыльца! Ножку в стремя, давай посажу, мой мальчик, все посадим... Завтра она, конечно, сюда пожалует к нам, озарит, ошастливит. Встретим! С портретом ее встретим! С портретом! Где же он, где? В переднем углу повесим! С портретом! (*Бежит в свою комнату, вытаскивает из-за шкафа свитый на палку холст, развивает его, возвращается в центральную комнату, машет портретом.*)

На портрете Алла изображена в полный рост в ослепительном сиянии солнца, наряженная и смеющаяся.

Вот она, вот! Любуйтесь! С портретом! С портретом! (*Расстилает холст на полу и вдруг начинает топтать изображение ногами.*)

Н и н а. Ким!

Жарков. Перестань!

Альберт. Псих!

К и м. Что ты сказал?! Что ты сказал?!

Н и н а. Не смей, Ким.

К и м.

Жарков.

Н и н а.

Лева.

(*одновременно*)

Нет, вы слышали, что он мне сказал?!

Я тебе запрещаю!

Зачем ты так...

Товарищи! Товарищи!

И вдруг раздается сильный и властный голос Егорьева.

Егорьев. Прекратить!

От этого неожиданного возгласа наступает тишина. Пауза. Альберт резко повернулся и убежал к себе. Ким сел на постеленный диван. Тишина. За окном раздается тот же крик. В ночи он еще слышнее. Нина идет в комнату Альберта

В КОМНАТЕ АЛЬБЕРТА И КИМА

Н и н а. Ну чего ты, Жук, ну? *(Трясет Альберта за плечо.)* Будя... чего ты? Ну не молчи... не молчи... Разрядись... Ну на меня гавкни, ну?

А л ь б е р т. Как он так может...

Н и н а. Отец у тебя отличный, Алька. Судьба ему определилась невеселая. А он никому худого никогда не делал. Сейчас сорвался. Сам знаешь почему. Не суди, друг, не суди. *(Улыбнулась.)* Помни, Жук, каждый из нас на этой земле не только судья, но и подсудимый.

А л ь б е р т. Я же не поеду. Я просто так сказал... Мама предложила, но я же не говорил — да. Зачем же он так...

Н и н а. Тихо, тихо... Ложись спать, ложись. Ну давай, заворачивай ходули.

А л ь б е р т. Не хочу.

Н и н а. Ну, посидим. Не спорь с ним сегодня. Ни слова. Будь выше принципиальности, понял?

А л ь б е р т *(помотал головой)*. Я и не собирался ехать, а он подумал...

Н и н а. Ладно, ладно, Жук, мы должны быть на высоте.

А л ь б е р т. Ну ты подумай, разве бы я мог сказать «да», разве бы мог?

Н и н а. Все, все!.. Никто бы этого и не подумал.

Пауза.

(Берет со стула книжку.) Что читаешь? Батюшки, к Достоевскому подобрался!

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Е г о р ь е в. Половина второго, пора по домам, Андрей Трофимович.

Ж а р к о в *(сыну)*. Всю жизнь физкультурой занимаешься, а в здоровом теле нездоровый дух. Попридержи себя хотя бы до утра. Придет — объяснитесь.

К и м. Она его заберет.

Ж а р к о в. Что значит — заберет? Чемодан он, что ли? Нельзя так, Ким... *(Вместе с Егорьевым ушел в кабинет.)*

Л е в а. Ким, я думаю, вам действительно нет оснований волноваться.

К и м. Это я сам знаю — есть основания или нет оснований.

Л е в а. Конечно, я понимаю.

К и м. Ты не понимаешь.

Л е в а. Самое паршивое, Ким, когда начинаешь распускать свои страсти. Они владеют тобой, теряешь рулевое управление и, знаешь, до первого фонарного столба. Потом — всямку.

К и м. Вон, посмотри на это окошко.

Л е в а. Вижу. Помыть бы не мешало.

К и м. На подоконник посмотри.

Л е в а. Что примечательного?

К и м. А то, что твоя Нина сползла с этого дивана, доползла до этого окошка, влезла на этот подоконник. Я случайно, чудом тогда в комнату вошел. Я ее за окошком на весу за ногу поймал... Мы здесь два года по очереди около нее дежурили. Все, даже Альберт, а ему тогда еще и девяти не было. *(Ушел к себе в комнату.)*

В КОМНАТЕ АЛЬБЕРТА И КИМА

К и м. Иди убаюкивай своего гада.

Н и н а. Приведи утром апартаменты в порядок, хотя бы для вида. Может, действительно зайдет. *(Ушла.)*

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Н и н а. Разоблачайся — и на боковую.

Л е в а. Да... у вас тут раствор перенасыщенный.

Н и н а. Перетерпи. Вернешься в свой эдем, отряхнешь наш прах со своих ног.

Л е в а. Конечно, и у нас там споры, столкновения мнений...

Н и н а. Спокойной ночи, дорогой! *(Подходит к Лева и целует его.)* Боже, куда ты попал! *(Ушла.)*

Лева начинает укладываться. Аккуратно развешивает свои вещи. Достал из чемодана вешалку, развесил брюки, часть вещей кладет на стул.

В КОМНАТЕ АЛЬБЕРТА И КИМА

К и м. Тетка твоя права. Если Алла завтра заглянет, пусть увидит — не хуже, чем у других. Давай устроим маленькую показуху, а?

А л ь б е р т. Попробуем! *(Начинает убирать комнату. Делает все удивительно старательно. Ему действительно хочется, чтобы комната выглядела праздничной.)*

Да и Ким трудится добросовестно.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Лева лег, пристроил к дивану ночничок, взял журнал, просматривает его.

В КОМНАТЕ АЛЬБЕРТА И КИМА

К и м. Если хочешь ехать, в общем, я не неволю.

А л ь б е р т. Нет.

К и м. Смотри.

А л ь б е р т. Не поеду.

К и м. Может, действительно стоит. В какой-то степени я даже могу понять.

А л ь б е р т. Нет, нет!

К и м. Ну, нет так нет... Знаешь, нам с тобой неплохо будет. Обойдем пешком всю Прибалтику. Красота там, говорят. Посмотрим, как живут латыши, эстонцы. Потом — у тебя последний год школы, там университет. Языки? Так у нас преподают великолепно. Знаешь, возьмем учителя, найдем самого лучшего, самого дорогого. Я могу. Все будет здорово, все! Решено... Она пусть завтра приходит, пусть. Очень хорошо мы ее встретим. Пусть не думает. И ты не бойся. Это я сейчас глупо. Не беспокойся, мы ее встретим, угостим. Ты утром сбегай, купи чего хочешь. Вот у меня еще восемь рублей осталось, нэ. Я кофе сделаю. Я кофе хорошо варю, верно?

А л ь б е р т. Да.

К и м. Смешно! Мы с ней все время один кофе пили — бразильский.

Альберт подходит к отцу, целует его в щеку.

(Оглядев комнату.) Преотлично! Утром приоденемся, побреемся — тоже, мол, не лыком шиты. Где мой хороший костюм? Где он? *(Достает из шкафа черный костюм на вешалке, осматривает его.)* Смотри, не измялся. Вполне! *(Вешает на дверцу шкафа.)* Ботинки начистим.

А л ь б е р т. Давай.

К и м. Потом, потом. Я сам утром.

А л ь б е р т. Моя очередь, и все равно спать не хочется. *(Взял две пары ботинок, пошел их чистить. Проходит через центральную комнату.)*

Л е в а (оторвавшись от чтения). Мир?

А л ь б е р т. У вас одеяло сползает будет, давайте подставлю стул. (Ставит к дивану стул.)

Л е в а. Спасибо. Ты тут в доме, видать, действительно гвоздь. Из-за тебя целая баталия.

А л ь б е р т. Спокойной ночи.

Л е в а. Спок, спок!

Альберт ушел.

В КОМНАТЕ АЛЬБЕРТА И КИМА

Ким очищает с портрета следы от ботинок и раздумывает — повесить или нет. Свернул в трубочку.

В КАБИНЕТЕ

Ж а р к о в. Какой я отец... Все на самотек пустил. Да и что сделаешь. Когда пишешь, получается расчудесно, все концы со всеми концами в самом лучшем виде сходятся. А жизнь — она совершенно непостижимая. Какие законы, отчего так, а почему не этак, зачем? На свете и есть только одна правдивая и невыдуманная книга — сама жизнь.

Егорьев продолжает читать рукопись.

Ким неплохой парень, а вот как-то не сложилось. Почему? В романе я бы объяснил: неправильное воспитание, дурные черты характера, влияние среды особенно, или что-нибудь в этом духе. А тут — понятия не имею. И Аллу любил прямо-таки самозабвенно, и работает всегда честнее честного, на сына не надыйтись. Альберт — парень действительно славный. Если уйдет, тут потускнеет все, ряской покроется. А Нина? Что за жизнь у молодой женщины! Ей ребенка охота, я знаю. Она как-то обронила это, не выдержала. А где его возьмешь? В обществе она не бывает. Не на улице же мужика ловить будешь... Ну ладно, пока, устал я что-то. (Встает.)

Е г о р ь е в. Разрешите, я возьму рукопись домой, внимательно прочту.

Ж а р к о в. Не разрешаю. Вдруг по дороге потеряешь — вещь ценная. Я еще ночью над ней поработаю.

Прощаются.

Зачем на Волгу-то гонял?

Е г о р ь е в. В Волгореченске ГЭС строят, самая большая в Европе будет.

Ж а р к о в. Все светишь.

Е г о р ь е в. Не вам завидовать.

Ж а р к о в. Это конечно.

Проходят в центральную комнату.

Е г о р ь е в. Приятных сновидений, молодой человек!

Л е в а. Всего доброго!

Ж а р к о в. Читаете. Как у человека голова сконструирована... Набиваешь ее, набиваешь, и все влезает. Мясорубка!

Л е в а. Да, неплохое запоминающее устройство.

Ж а р к о в. Я тут читал — скоро ваш брат ученый нам в мозги электроды совать будет, питать, так сказать, умственно, чем требуется. Не больно будет?

Л е в а. Не бойтесь, вам это еще не грозит.

Жарков. А я и не против. Может, воткнуть штырь, и ты талант, и на тебя с неба чуда посыплются. Чуда, чуда — только лови их за хвост да за ножки.

Жарков и Егорьев выходят. Слышно, как запирается дверь.

(Возвращается.) Удобно?

Лева. По-царски!

Жарков. Спокойной ночи!

Лева. Спокойной ночи!

Жарков ушел.

Через комнату проходит Альберт, неся начищенные ботинки.

Альберт. Вам надо лечь в нашей комнате, с папой. А я бы сюда. Прорванная — мешаем.

Лева. Командировочный!.. Значит, не пушают?

Альберт. Куда?

Лева. С матерью.

Альберт. Я и сам не хочу.

Лева. Почему?

Альберт. Не хочу.

Лева. Хочешь.

Альберт. Странно вы рассуждаете.

Лева. Противостоестественно не хотеть. Я, конечно, чужой в доме, Альберт, я тебя знаю мало, ты меня и того меньше, и уеду я через день-два... Боюсь, они тебе тут сообщат перебьют ноги на всю жизнь.

Альберт. То есть?

Лева. Понимаешь, как бы тебе сказать помягче и с полной откровенностью... Ну, тебя в школе, конечно, учили — за идеалы надо драться, жертвовать и так далее?

Альберт. Учили.

Лева. Это ведь все правда, друг мой. Жертвовать! Не знаю, поймешь ли, но в искренности моей можешь не сомневаться: говорю тебе — отвечаю себе. И никто так не искренен, как спутник в вагоне, случайный встречный. Таким меня и считай... В доме у вас не ахти.

Альберт. Я это чувствую.

Лева. Молодец!

Альберт. Но мне хочется, чтобы было хорошо.

Лева. Просто молодец!

Альберт. И я люблю свой дом.

Лева. Полный молодец! Видишь ли, в течение жизни, даже такой не длинной, как твоя, у человека, Альберт, образуется множество невидимых нитей, связей, самых неожиданных, часто самых приятных. Слыхал, говорят, даже каторжник может полюбить свои кандалы. Увы, мы любим свои цепи или нити, называя как хочешь. Вот у тебя есть дедушка, тетка, наконец, отец. Все люди чудесные, я их давно знаю — и ты уже повязан по рукам и ногам. Друзья в школе, наверное, есть и девочка. Нити, нити, ты понимаешь?.. Но у тебя есть еще и большая цель. Надеюсь, есть? И вот когда все эти нити — а их так много, что если эти паутинки свить вместе, то получится такой, знаешь, здоровенный, толстенный канат, что и кораблю в десять тысяч лошадиных сил не отвалить от причала, если этот канат не сбросить с причальной тумбы, сколько ни пыхти... так вот, когда твой идеал цели приходит в противоречие с этим канатом, туго, друг, приходится, здорово туго! Они любят тебя, они дышат тобой, ты главная игрушка в доме и лучик света в полутемном царстве как о тебе мне только что твоя тетка сказала. Они будут держать тебя здесь. И ты из любви к ним можешь потерять главное.

Альберт. Могу.

Лева. И все несчастные и убогие на всем свете будут тебе аплодировать, обнимать, целовать и кричать: ай, какой он хороший, ай, какой он добрый!

Альберт. Это плохо?

Лева. Почему? В общем, трогательно. Словом, может, мне и не надо было соваться, но ты мне показался парнем довольно интересным, и я объяснил тебе ситуацию. Все остальные будут тащить тебя в совершенно противоположные стороны. В общем-то решать будешь сам. Свобода выбора. Распроклятая штука... Знаешь, в школе у нас не учат реальной жизни, оттого мы потом и набиваем себе шишки на лоб на каждом шагу или просто поступаем неверно.

Входит Ким.

Ким. Ты что пропал?

Лева. Философствуем на отвлеченные темы.

Альберт. Иду.

Ким и Альберт проходят в свою комнату.

Ким. О чем это ты с ним?

Альберт. Так... Не очень разберешь, о чем.

Ким. Без четверти три. Ложись.

Укладываются спать.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Лева взбил свою подушку, устроился поуютнее и погасил лампу.

В КАБИНЕТЕ

Жарков все время сидел спокойно в кресле, вытянув ноги, и о чем-то сосредоточенно думал. Сейчас он встал, тихо раскрыл шкаф, выдвинул ящик письменного стола, отворил дверцы его тумбочек и стал вынимать рукописи, пачку за пачкой. Во время того, как в центральной комнате идет действие, Жарков связывает бумаги бечевками.

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОМНАТЕ

Входит Нина. В руках у нее пол-литровая стеклянная банка, в которую поставлена зажженная свеча. Остановилась. Прислушалась. Полная тишина. Идет к дивану, смотрит на спящего Леву. Умышленно роняет со стола чайную ложку. Лева не просыпается. Но в своей комнате Альберт приподнял голову с подушки.

Альберт. Что-то упало.

Ким. По-моему, чайная ложка. Командировочный пить, наверно, захотел, шарится. Спи...

Альберт. Там кто-то ходит, по-моему, слышишь?

Ким. Спи, спи, не выдумывай, никто не ходит. Он, наверно, и шлепает.

Нина капает каплю воска на руку Левы и тут же тынется к полке над диваном.

Лева просыпается.

Нина. Тихо, тихо! Разбудила! Хотела взять словарь. Не спится. Чего, думаю, терять время, поработаю. Ты уже уснул?

Лева. Да. Намотался за день.

Нина (подседа к Лева на диван). Поболтаем немножко.

Лева. С удовольствием.

Нина (смеется). Какое уж тут удовольствие! У тебя глаза слипаются. (Дотрагивается пальцем до его глаз.)

Лева инстинктивно отстраняет голову.

Тю-тю-тю, какой ты пугливый... Она красивая?

Л е в а. Кто?

Н и н а. Без пяти минут.

Л е в а. По-моему.

Н и н а. Веселая?

Л е в а. В каком смысле?

Н и н а. В самом обыкновенном — серьезная или веселая?

Л е в а. Разная.

Н и н а. Это превосходно — разная. Человек должен быть вечно разнообразным и меняться каждый час, как ребенок, верно?

Л е в а. К лучшему, разумеется.

Н и н а. Нет, я не об этом. Просто меняться. Вот ты сейчас совсем иной, и мне интересно. Того — худого, лупоглазого — и в помине нет. Теперь вон ты какой складный (*берет его руку*), и рука мужская, не цыплячья... А меня сильно перевернуло?

Л е в а. Тоже повзрослела.

Н и н а. Да не тяни ты свою руку обратно, не тяни, девица!

Л е в а. Как хочешь.

Н и н а. Да уж уступи, я больная, а больные — эгоисты... Вот твоя рука, забирай, прячь под одеяло.

Л е в а. Я понимаю, ты никогда не сможешь простить мне.

Н и н а. Не угадал. У меня было время все обмозговать и занять твою сторону. Сначала — да, бесилась, всякие выкобены выкобенивала, да еще какие! Рассказала бы — ахнул. А потом очухалась: что особенного! В тебе говорил здоровый молодой эгоизм, вроде инстинкта самосохранения. Если бы ты остался со мной, не дай бог, женился бы на мне из сострадания или недомыслия, я бы все равно рано или поздно увидела бы эту твою жертвенность, на физиономии твоей прочла, вот на этой — такой симпатичной, между прочим, — и тут же бы, в тот же миг все своими руками переломала. Любим способом, самым категорическим, может, даже диким. Жертвы, друг мой, приносят идолам. И не из любви, из страха. На кой мне это черт?

Л е в а. А мне кажется, ты все время сердиться на меня.

Н и н а. Сама удивляюсь! Оправдала тебя целиком и бесповоротно. А вот увидела, и какая-то муть поднялась, чего-то все смешалось. Думаю, это тоже нечто патриархальное, вроде того, о чем ты вчера за столом изрекал, из того, что человечество донашивает. Нет, на эту тему все, камень снимаю, понял?

Л е в а. Жизнь есть жизнь, верно, Нина?

Пауза.

Н и н а. Это хорошо, что ты сейчас в горизонтальном положении: падать будет некуда.

Л е в а. А что?

Н и н а. Можешь ты сделать мне подарок?

Л е в а. Какой?

Н и н а. Только давай так: я буду говорить, а ты молчи, обкумекивай. Понял? Больше всего на свете я хочу ребенка, своего ребенка. До умопомрачения. Чувствую, знаю, жизнь моя будет осмысленной и полной. Ты постарайся представить, что такое одинокая женщина. Одна. Знаешь, даже доктор сказал — вам было бы хорошо иметь ребенка. Еще не говори... обдумывай. Я воображала себе вот такую встречу с тобой, вдвоем, наедине, один раз в жизни. Подари мне ребенка. Я знаю, ты порядочный человек и ты не можешь. Если б ты, Лева, переступил через эту свою убогую порядочность! Зна-

ешь, порядочный человек — он далеко не все понимает в жизни, хотя, может быть, и шибко учен. У него только порядок — оттого его и зовут порядочным. А жизнь. Лева... в ней беспорядка хватает, ей нужны и беспорядочные люди. Может быть, тоже для порядка.

Л е в а. Нина, ты еще найдешь человека...

Н и н а. Смех, Лева, в том, что я люблю тебя. Вот где твой камешек-то! Видать, оттого, что ни с кем не яхшалась, что ли? Я тебе неприятна?

Л е в а. Нет, почему же...

Н и н а. Чего тебя держит? Нравственность, мораль? Я говорю, может быть, не так и нехорошо, я все понимаю — у тебя твоя без пяти минут, я обо всем думала. Она никогда не узнает, и я все забуду. Чем угодно клянусь. Завтра ты уедешь. Раз в жизни переступи через порядочность, и вот помяни мое слово, когда-нибудь в старости ты поймешь — раз в жизни ты был поистине большим человеком. *(И вдруг закрыла лицо руками.)* Ты уж не веришь ли все-му, что я тут горожу? А? Смотри не вздумай!.. *(Встала, смотрит на Леву.)* Если б ты знал, как мне приятно — вот ты тут на диване, и во всем нашем громадном доме тепло.

Л е в а. Нина!

Н и н а. Что, мой порядочный?

Л е в а. Я понимаю тебя...

Н и н а. Ты понимаешь только себя, Лева, и себе подобных. Ты там у себя, Лева, все с машинами и с машинами. Вот уж поистине, с кем поведешься, от того и наберешься... Ребенок у меня будет, конечно, только жаль — не твой. Поскорей бы разлюбить тебя. *(Заплакала.)*

В К А Б И Н Е Т Е

Жарков влез на стул, снял с окна штору, сложил в нее рукописи, взвалил узел себе на спину, перевязанную пачку взял в руки.

В Ц Е Н Т Р А Л Ь Н О Й К О М Н А Т Е

Л е в а. Зачем плакать, Нина?

Н и н а. Требуется. Ты давно ревел?

Л е в а. Мужчины переживают по-своему.

Н и н а. Все равно реветь надо. Кто давно не плакал — черств, холоден и опасен. Знаешь, отчего слезы горькие и какая там соль? Особая, Лева. Если она не выходит из человека, она костенеет, получается склероз души. А поплачет — соль вытечет, и душа мягкая, способная к движению. Ей-ей, ученые доказали. Кто его знает, Лева, если бы я сейчас не плакала, может быть, взяла и убила бы тебя. Спи, светает.

Л е в а. Нина!

Н и н а. Светает. Мораль идет. Теперь ничего нельзя: мораль, бука! Спи!.. А Вовка тогда из-за меня бросился, и ты это знаешь.

Л е в а. Если тебе так хочется.

Н и н а. А тебе так не хочется. Знаешь, какая главная разница между нами, Лева? Я живу тут, в этой суматошной Москве, в нашей не очень уютной квартире, среди своих забот и печалей и все же чувствую себя рядом с Богом. Ты — среди своих машин, порядка, точности и думаешь, что ты Бог. *(Ушла.)*

Через центральную комнату идет Жарков, уносит рукописи. Тихо вышел, слегка хлопнув дверью.

В комнате Кима Альберт опять приподнял голову с подушки.

К и м. Что ты?

А л ь б е р т. Кто-то вышел.

К и м. И мне показалось... Чего не спишь?

А л ь б е р т. Сам не знаю.

За окном рассвело, и издалека, как эхо, начинают доноситься звуки из зоопарка.
Первыми просыпаются птицы, позднее и звери.

Это бегемот.

К и м. По-моему, слон.

А л ь б е р т. По-моему, бегемот.

К и м. А по-моему, слон.

А л ь б е р т. Может, и слон.

К и м. Может, и бегемот.

Звуки.

Лама.

А л ь б е р т. Лама.

К и м. О чем вы говорили с матерью?

А л ь б е р т. Не помню.

К и м. Я ведь не выпытываю.

А л ь б е р т. Нет, я на самом деле не помню. Я растерялся. Вошел — она стоит, как на портрете. Потом все время смеялась. Назвала меня дылдой.

К и м. Почему?

А л ь б е р т. Ну, наверное, потому что вырос.

Звуки.

Это орел.

К и м. Может, выпь.

А л ь б е р т. Может.

К и м. Как она выглядит?

А л ь б е р т. По-моему, красивая.

К и м. Изменилась?

А л ь б е р т. Я ведь ее плохо помнил.

К и м. Обо мне спрашивала?

А л ь б е р т. Да.

К и м. Что?

А л ь б е р т. Как ты живешь.

К и м. Что ты сказал?

А л ь б е р т. Хорошо.

К и м. Это правильно. Она была с мужем?

А л ь б е р т. Нет, одна. И Дроздовы.

К и м. Почему она сразу выпалила, чтоб ты ехал?

А л ь б е р т. Она прилетела только на три дня.

К и м. Зачем?

А л ь б е р т. Говорит, если я согласен, надо начать оформление. Даже, сказала, потребуется мой паспорт. Но я не поеду.

Звуки. Целая симфония звуков. Просыпаются звери. Как будто в девственном лесу.
Ким встал с постели.

Чего ты?

К и м. Окошко пошире открою, душно. *(Идет к окну. Что-то увидел на улице.)* Смотри-ка!

А л ь б е р т. Чего? *(Вскочил, подбежал к окну.)* Дед... Чего это он тащит? Папа. . он что — с ума сошел? Смотри-ка, смотри!

К и м. Беги за ним, Аля, беги!

Альберт рванулся. Ким удержал его за руку. Смотрят в окно.

А л ь б е р т. Ай! Уже горит, горит!..

Ким распахнул настежь окно. Звуки из зоопарка стали значительно слышнее. В эти звуки вливаются шумы просыпающегося города. Может быть, слышен звон первого трамвая.

К о н е ц в т о р о г о д е й с т в и я

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Та же декорация. В комнатах наводится чистота. Ждут приезда гости. Ким гладит рубашку. Нина сервирует стол.

Входят Альберт и Егорьев. Здороваются.

Е г о р ь е в. Он дома?

Н и н а. Ушел куда-то.

Е г о р ь е в. Это я виноват, я. Зная его характер, надо было деликатнее.

Н и н а. Думаю, виноват другой дяденька.

К и м. Ну что я могу с собой сделать? Не могу скучные книги ни читать, ни слушать, засыпаю. А вообще-то отец умнее всех нас, вместе взятых. Оттого последние годы и злой, и замкнутый. Он ведь, Константин Федорович, в писатели неестественным образом произвелся. Инженер был отличный, вы это лучше моего знаете. Вел дневники на строительстве Челябинского, показал кому-то из заезжих — не то журналисту, не то писателю, их по строительству всегда как грачей. Тот дневник забрал, а потом отца в Москву вызвали, и не куда-нибудь, а в Союз писателей: дескать, напишите роман. Я помню, как отец нам об этом рассказывал, хохотал и все приговаривал: «Я писатель, а? Вот умора?!» А к нему каких-то помощников приставили — взвод! — и соорудили эту самую «Дорогу к счастью». Роман по тем временам вполне стоящий. Премия, квартира, газеты...

Е г о р ь е в. Это не беда, Ким Андреевич. Большинство писателей сначала другими профессиями владели...

К и м. Так ведь те сами из других профессий в писатели выходили. А кого за уши тянут, только в несчастные люди вытянуть могут, и другим на горе.

Е г о р ь е в. Неужели подчистую в огонь?

Н и н а. Видимо. Пройдемте в кабинет.

Нина и Егорьев идут в кабинет. Егорьев осматривает пустые ящики и полки. Ким прошел к себе в комнату, продолжает переодеваться.

В К О М Н А Т Е К И М А

К и м (*Альберту, который пришивает пуговицу к своей рубашке*). Надень курточку, которую она последний раз прислала, а я тот дурацкий галстук. Пусть радуется. (*Ищет галстук.*)

А л ь б е р т. Ты же его кому-то отдал.

К и м. Нет, он, по-моему, лежит где-то. (*Нашел галстук, повязывает его.*) Ты ей так и скажи: так, мол, и так, хочу готовиться в университет. Пойду по научной части, аспирантура и прочее. Я, надеюсь, не противоречу твоим замыслам?

А л ь б е р т. Нет.

К и м. Меня беспокоит не столько твое профессиональное будущее, тут я уверен, но ты можешь попасть в такой круг людей — вытопчут душу, и не заметишь. Есть, знаешь, такие мастера на это дело.

А л ь б е р т. Папа... я тебя прошу, разговаривай с мамой спокойно.

К и м. Встретим и проводим ее на самом высоком уровне. Вот увидишь. Не бойся, я держать себя умею.

В К А Б И Н Е Т Е

Е г о р ь е в (*осмотрев все полки*). Пусто!

Слышно, как хлопнула дверь в прихожей. Вошел Жарков. Нина и Егорьев вышли к нему навстречу в столовую.

Здравствуйте, Андрей Трофимович!

Ж а р к о в. Ты что это с утра пожаловал?

Е г о р ь е в. Любопытства не преодолел. На вашу заморскую даму взглянуть хочется.

Ж а р к о в. А-а-а... Ну, пошли в кабинет, пока ее нету.

В К А Б И Н Е Т Е

Е г о р ь е в. День-то какой! Золото. Подарок москвичам к выходному. Не воспользоваться ли и нам с вами? Катанем на Клязьминское, возьмем удочки.

Ж а р к о в. Алька за тобой бегал?

Е г о р ь е в. Нет, я сам по себе...

Ж а р к о в. Вот, брат... таким макарон... Двух жизней не проживешь, так хоть одну дожить не по-собачьи. Я ведь раньше счастливый был, так сказать, изнутри счастливый. Бывало, прочту мало-мальски талантливое, радуюсь, целый день счастливым бегая — отчего, и сам не знаю, дурак дураком, будто сам сочинил. А теперь чуть где талант проклюнется, прочту, пойму, что талант, и злобой начинаю наливать, зла ему желаю, погибели. И ежели этот талант, в газете или на собрании там, кто облает, не только не вступлюсь — приятное что-то чувствую. А? Вот, брат, какой я изнутри теперь. А ты меня все похваливаешь, на прежнюю меру равняешь. Кто чужой радости радоваться не умеет — зверь, страх живущим, тайный и потенциальный убийца. А уж ежели чужому таланту не радуется, совсем пропади он пропадом!.. Не писатель я. Был читателем, и то надо было Бога благодарить, а теперь и читатель-то стал плохой, испорченный. И ты прав: нет чуда, не падает с неба, не приходит из леса, или из города, или вон из того угла, ничего не получится. Так, сочинительство. Да еще если выгоду ищешь — непременно скверное сочинительство, с подлинкой... Эх, был бы моложе, к тебе на работу попросился б, хоть в подсобные.

Е г о р ь е в. Андрей Трофимович! Когда-то давно, когда ко мне, можно сказать, весь мир спиной встал, вы взяли растерявшегося мальчишку за плечи и сказали: иди ко мне, вкалывай. Я вашу руку до сих пор вот здесь, на плече, чувствую. Что я для вас могу сделать, скажите?

Ж а р к о в. А я тебя не по доброте взял, а за талант. Я, друг милый, кадры умел подбирать. (*Засмеялся*.) Я ведь что хочешь делать могу. Когда отец с собой на малярные работы брал, мне и клей нюхать, и кистью мазать... Хочешь, подметки поставлю? Умею. Мы с руками. Да еще сто двадцать целковых пенсия. Кум королю! Подожди, может, и попрошусь... Давай мебель переставим, по-новому хочу.

Переставляют мебель.

Нина продолжает накрывать на стол. Входит нарядно одетый Ким.

Нина (*оглядев его*). Вот давно бы так. У тебя же отличный вид. Просто хоть куда парень!

Ким. Без десяти, а ее еще нет.

Нина. Без десяти, потому и нет.

Ким. Это она нарочно тянет, марку выдерживает... Если нажимать будет или как-нибудь в обход, думаю, сможешь?

Нина. Ты не будь резким.

Ким. Увидишь. У меня, знаешь, даже хорошее настроение. Как перед соревнованием. Когда у меня перед соревнованием бывало хорошее настроение, я всегда выигрывал. А твой где?

Нина. В делах и бегах.

Ким. Это хорошо. А то начал бы философствовать, путать. Он гад. Что ты около него усилия делаешь? Не тот предмет.

Нина. Я бы его разгипнотизировала.

Ким. Ему, поди, и не хочется.

Нина. Разве человек под гипнозом знает, чего ему хочется, чего нет. Впрочем, женится — сам переменит режим.

Ким. А он никогда не женится.

Нина. Уже невесту имеет — слыхал вчера?

Ким. Врет, наверно. Это он от тебя на всякий случай забаррикадировался, сочинил. Такие всю жизнь по скорожралкам будут бегать — во всех смыслах... (*Зовет.*) Папа!

Жарков (*входя*). Что?

Ким. Она сейчас придет... Если начнет насчет Альберта...

Жарков. Соображу.

Ким (*осмотрев комнату, стол*). По-моему, все отлично, а? (*Ушел.*)

Жарков. Ты за ним в оба! Как бы выходку не выкинул.

Нина. Убрать со стола ножи и вилки, что ли?

Жарков. Я серьезно (*Ушел.*)

Звонок. Ким быстро идет открывать дверь. Возвращается с Левой Груздевым.
Ким уходит к себе.

Лева. Представь, гостиницу получил. «Урал». Уже за номер заплатил. Мой.

Нина. Бедный диван, не произвел впечатления.

Лева. Диван отличный. Злоупотреблять не хоч.

Нина. Думаешь, я бы и этой ночью пришла?

Лева (*собирая вещи*). Конечно, не думаю. Ты гордая.

Нина (*продолжая сервировать стол*). А может быть, и пришла, вот взяла бы и пришла. Ты вчера среднестатистической нас ошарашивал. Мне ведь, знаешь, даже убедительным показалось. Черт, думаю, нас знает, может быть, мы все действительно на какой-то прабабушкиной кислой закваске. А ночью сообразила: нет, Лева, ни под каким... Вот если я сейчас опрошу всех людей земного шара, есть ли среди них, ну, допустим, Шекспир, Джордано Бруно или там Толстой? Нет ведь, не отыщется. И что сие значит? Нечего, пустой факт, и только. А если я спрошу этих же самых жителей — кто из вас хотел бы быть Архимедом, Толстым или Шекспиром, ведь все бы хором загалдели: я, я, я! А это что значит? Уже нечто... Нет, Лева, не в том дело, сколько им подобных на текущий сезон, пусть ни одного. Их и всегда-то было не густо, несколько штук на столетие, а то и один на тысячу лет. Но это именно они при-

открыли куда-то дверку, заглянули в нее и по секрету сказали людям, что они люди. Мы потянулись за ними, встали с четверенок на два копыта и теперь вот стоим здесь, в Москве, на площади Восстания. А твои среднестатистические вроде бы всех обратно — на четвереньки. Не желаю.

Из своей комнаты высовывается К и м.

К и м. Не звонок?

Н и н а. По-моему, нет.

К и м. Мне слышалось. *(Исчез.)*

Л е в а. Бедняга. Как он ее боится.

Н и н а. Да, боится и ждет.

Л е в а. Я знаю.

Н и н а. Нет, он ее все годы ждет. Вдруг с ней случится какое-нибудь несчастье и она вернется обратно сюда.

Л е в а. Надо же!

Н и н а. К чему бы это, верно?

Л е в а. Нельзя, нельзя так, Нина. Надо уметь освобождаться.

Н и н а. От чего?

Л е в а. Хотя бы от страдания.

Н и н а. Во имя чего?

Звонок в дверь. Во всех комнатах замерли.

К и м *(сыну)*. Открой!

Альберт бежит к двери. Все ждуг.

Голос Альберта. «Проходи, проходи!»

Входит Алла Васильевна. Она еле держится на ногах, но не показывает вида.

Н и н а. Ровно двенадцать. Как дипломат.

А л л а. Привычка.

Л е в а. Простите, это вы сейчас прогуливались внизу около дома?

А л л а. Я? Вряд ли. Я только что подъехала. *(Овладев собой, подходит к Нине.)*

Н и н а. Здравствуй, Алла.

А л л а. Здравствуй, Нинок. *(Подходит к Груздеву.)* Алла Жаркова.

Л е в а. Лева Груздев. Узнаете?

А л л а *(очевидно, и не замечая его, машинально)*. А-а-а... Здравствуйте, Андрей Трофимович.

Ж а р к о в. Здравствуй. Давненько тут не была.

А л л а. Семь лет четыре месяца и два дня. *(Идет к Киму, но тот сам быстро подходит к ней.)* Здравствуй, Ким.

К и м *(целует Аллу руку)*. Здравствуйте.

А л л а. Не надо! Мы же с тобой с первого класса. Скажи — здравствуй.

К и м *(посмотрев на Альберта)*. Здравствуй.

Н и н а. Ты разве все еще Жаркова?

А л л а. Да, я не меняла фамилии.

Ж а р к о в. Мой друг, Егорьев Константин Федорович.

А л л а. Очень приятно.

Ритуал окончен. Наступила пауза.

Н и н а. Ну, что стоим, как в церкви, айда за стол. У вас там по-заграничному как раз в это время лянч?

А л л а. Мне все хочется по-русски — чай из самовара.

Н и н а. Самовары теперь в Москве только в ресторанах для иностранцев, и то электрические.

А л л а. Моя чашка...

Ж а р к о в. Твоя.

Н и н а. Халупу не ремонтировали с твоего отъезда.

Ж а р к о в. Скоро наведем глянец.

Пауза.

Л е в а. Как там у вас в Бразилии?

А л л а. Как везде на свете — бурлит.

Л е в а. Скажите, вот вы много ездите по свету, какое к нам в мире отношение?

А л л а. Очень разное. Одни любят, другие нет, третьи боятся, четвертым безразлично, потому что заняты своими повседневными делами. Многие смотрят с надеждой. Люди на земле живут трудно. Где бедность, где неуверенность, будешь ли сыт завтра, если сыт сегодня, боязнь атомной войны, различные внутринациональные проблемы, а больше всего страдают от всевозможной несправедливости. Многие надеются, что мы до конца построим общество, где человек никогда не будет причинять страдания другому человеку.

К и м. Если бы не всадники, куда бы быстрее шло дело.

Л е в а. Слушайте, все-таки что за таинственные всадники обитают в этом доме, может быть, посвятите?

Н и н а. Я тебе говорила — выдумки Кима. Всадниками он называет тех, кто, взобравшись на свою лошадку, лупит во весь свой собственный карьер.

К и м. И не видит, куда его лошадь ставит копыта.

Л е в а. Но я, слава богу, никого не топчу.

Н и н а. Конечно, ты ходишь там аккуратно по усыпанному гравием дорожкам.

К и м. И в чем беда? В молодости мы все норовим взобраться на лошадь. А потом уже забываем — откуда ты, зачем старался... Скакать начинаем!

А л л а. Бывает и так, Ким. Но что сделаешь! Если бы можно было заглянуть в книгу судеб и узнать, стоит ли идти на риск...

К и м. Не стоит.

Л е в а. Простите, Ким, но вы, кажется, хотели стать чемпионом мира?

К и м (глядя на Аллу). Многим не понравилось, что из этого вышло.

А л л а. Значит, ты уже никому не рекомендуешь делать попытки?

К и м. Из своих друзей — нет.

А л л а. Альберт писал, ты работаешь тренером.

К и м. Да.

А л л а. Как же ты учишь своих воспитанников? Не рвитесь слишком далеко вперед, не помышляйте? Или у тебя неперспективные ребята?

К и м. Это моя работа.

А л л а. Ты не хотел бы одного из своих учеников видеть чемпионом мира?

А л ь б е р т. Конечно, хотел бы, да, папа?

К и м. Надежд не густо.

А л ь б е р т. Ты же сегодня говорил — у тебя парень стометровку за десять и пять прошел.

А л л а. Видишь!.. Один раз я в океане заплывала далеко и вдруг потеряла из виду берег. Сама не пойму, как сбилась. В какой он стороне, понятия не имею. Плыву, а куда — не знаю. Сделалось так безысходно и жутко. Силы начали исчезать. Думаю — утону от страха. И действительно начала тонуть. И вдруг увидела край. Успокоилась, поплыла уверенней. И представьте

себе — ошиблась. Это был не берег, а рыболовецкие суденышки в океане. Меня подобрали.

А л ь б е р т. Ты хорошо плаваешь?

А л л а. Для сорокалетней женщины сносно. Держу форму. А то и так смеются: русские бабы самые толстые.

Н и н а. Интересно там живешь?

А л л а. Насыщенно.

К и м. Легко?

А л л а. Нет, Ким, не легко, я изрядно устала. Помнишь, ты учил: самый лучший отдых — расслабить все мускулы хотя бы на пять минут. Я этого сделать не могу ни на секунду. Все годы.

Н и н а. Почему?

А л л а. Нас там маленькая колония, и каждый шаг на виду — и свой и ваш. Чуть что — и все глаза на нас: на меня, на Георгия, на шофера, на повара — на всех.

Л е в а. Вы, вероятно, сильная женщина.

А л л а. Наверно, оттого, что много дралась в детстве. Нас было в семье пятеро — четверо мальчишек и одна я. Приходилось лупить на все четыре стороны. Да, я люблю перелеты через океан, рев стадиона. В Южной Америке футбол — это почти коррида. Вокруг стадиона рев, высокие сетки от разъяренных зрителей, иногда пальба из пистолетов.

А л ь б е р т. Надо же!

К и м. Бываешь на футболе?

А л л а. Ты же приучил. Да и надо где-то выбрасывать из себя отрицательные заряды. Посидишь, посвистишь...

А л ь б е р т. Ты свистишь?

А л л а. Бывает. *(Пауза.)* Ким, я хотела бы поговорить с тобой.

К и м. Да, да, пойдем ко мне. *(Встал.)*

А л л а. Вы нас извините. *(Тоже встала.)*

К и м. Идем.

Они проходят в комнату Кима, и действие переходит туда. Алла осматривает комнату.

А л л а. Я на самом деле уже часа два брожу вокруг нашего дома...

К и м. Нашего?

А л л а. И утром — уехала, шаталась без цели, как маленькая. Объездила новые станции метро, вышла на проспекте Калинина... *(Замолчала.)* На моей кровати спит Альберт?

К и м. Да.

А л л а *(показывая на портрет)*. К моему приезду?

К и м. Да.

А л л а. Милый Ким, мы никогда не говорили с тобой о том, что случилось. Я не буду оправдываться, я хочу объяснить. Вся жизнь мы были с тобой такими долгими, близкими друзьями, и я думала — эта наша с тобой дружба и есть любовь. И мне было хорошо с тобой, всегда. И я любила тебя как друга. И сейчас люблю. А потом случилось другое — пришел Георгий, и пришла любовь, Ким, не дружба. Я обманула тебя невольно. Я и сама обманывалась. Но когда поняла, почувствовала — ахнула и уже обманывать тебя не могла.

К и м. Да, да, теперь модно уходить от жены, от детей и говорить: я не могу жить в семье не любя, это было бы с моей стороны безнравственно.

А л л а. Я знаю, ты чище меня, выше. Ты и остаешься для меня лучшим человеком, которого я встречала на земле. Георгий иногда резок, порой излишне прямолинеен, но Ты честный

К и м. А как же мне не быть честным! Меня всю жизнь учили быть честным. И в пионерской организации, и дома, и в комсомоле. *(Взвинченно и раздраженно.)* Только, я вижу, честные люди нужны для того, чтобы их били по мордам нечестные. Нет, я больше не хочу быть честным. Я тоже буду таким... таким...

А л л а. Не будешь.

К и м. Почему это? Еще как буду! Вот увидишь.

А л л а. Не будешь. Ты обречен на честность. Она твой крест, если хочешь. Ты будешь нести его до конца. Мне даже иногда казалось, Ким, что ты не мог приходить на беговой дорожке первым, потому что тебе неудобно было быть первым...

К и м. Глупости!

А л л а. ...и жаль тех, кто бежал сзади.

К и м. Я и не думал о них.

А л л а. Мне очень понравился Альберт. Ты сотворил, мне кажется, отличного парнишку.

К и м. Он сам себя сотворил.

А л л а. И сам, конечно.

К и м. Ты приехала нарочно сейчас, когда он получил паспорт?

А л л а. Да. Я считала годы, потом месяцы, потом дни.

К и м. Он остается здесь. Мы с ним все обсудили.

А л л а. Мне бы хотелось помочь ему подняться высоко, чтобы он далеко видел.

К и м. У нас здесь и так одиннадцатый этаж.

А л л а. И потом... я бы тоже хотела ему что-то дать, Ким.

К и м. Что?

А л л а. Ты дал ему доброту, прямоту, любовь к людям — это замечательно. Я постараюсь дать ему стойкость.

К и м. Чего?

А л л а. Доброту, любовь, прямоту надо уметь защищать, Ким, а то его просто сбьют с дороги. Ты боишься, он не выдержит, собьется с пути, начнет скакать во весь свой собственный карьер?

К и м. Да, боюсь.

А л л а. Я тоже, Ким. Но что же делать?

К и м. Оставить его в покое.

А л л а. И это будет правильным решением? Ты уверен?

К и м. Во всяком случае, безопасным.

А л л а. За них всегда страшно, Ким: где он бывает? С кем? Почему пришел так поздно? Кажется, от него пахнет табаком... Он всегда будет приесть к тебе, Ким...

К и м. Ты не считаешь, что у тебя и так всяческих радостей, отвлечений, увлечений выше головы? А здесь отец, Нина, я. Может быть, и нам хоть что-нибудь останется?

А л л а. Я могу сдаться, Ким, сдаться и уйти. Сказать всем «до свидания», поцеловать Альберта, пожать тебе руку и уйти. Никто ничего не заметит. Биться головой об стенку и реветь я буду дома. Я привыкла жить только мечтой об Альберте, его замечательными письмами, фотографиями, которые он присылал, шуточными рисунками. Но речь уже не обо мне и не о тебе, Ким. О нем. Вообще о нашем общем будущем... Ким, только не сердись, милый... Может быть, ты держишь Альберта здесь зата, чтобы я пришла обратно?

К и м. Что ты о себе воображаешь? Что? Идем, пусть он скажет тебе сам, пусть!

А л л а. Ким, подожди, подожди, милый!

К и м. Не смей называть меня милым.

А л л а. Не спрашивай Альберта.

К и м. Это еще почему?

А л л а. Давай снимем с него эту проклятую свободу выбора, облегчим. Нам же все-таки более по силам, мы взрослые.

К и м. А тут нечего выбирать, он уже выбрал. Иди, услышишь.

А л л а. Ему будет трудно, пойми.

К и м. Очень даже будет легко, увидишь. *(Идет в центральную комнату.)*

А л л а. Ким, не надо! Это ужасно, Ким! Этого нельзя... *(Быстро идет за Кимом в центральную комнату.)*

Действие переходит в столовую.

А л ь б е р т. Папа, ты хотел сварить кофе.

К и м. Сейчас, сию минуту. Скажи, Альберт...

А л л а *(порывисто прерывая)*. Я прошу извинить меня, но я не могу дольше оставаться. Через тридцать минут должна быть у высокого начальства, а знаете, как начальство не любит, когда являются не вовремя, особенно высокое. *(Смеется.)*

Н и н а. Да ты что? Поговорить не успели.

А л ь б е р т. Мама!

Е г о р ь е в. Вот они, деловые люди, не позавидуешь.

А л л а *(быстро собираясь)*. Мы созвонимся, и я завтра приеду непременно. У меня для всех маленькие подарки... Вам, Андрей Трофимович, я такую сверхмодную ручку привезла! Такой «Войну и мир» напишете запросто... ну, хотя бы «Отцы и дети». Всего доброго, всего доброго! *(Прощается со всеми.)*

К и м. Альберт!

А л л а. Пожалуйста, не надо, Ким.

К и м. Альберт!

А л ь б е р т. Что, папа?

К и м. Мы с матерью сейчас решили — тебе стоит поехать. Стоит. Государству нужны широко образованные люди. Есть возможность изучить язык... Это полезно.

Н и н а. Ким!..

К и м. Да, да. И пожалуйста, прошу всех без ахов и охов. *(Алле.)* Если ты прилетела всего на три дня, видимо, надо начать оформлять... Паспорт... тебе... ты сказала, нужен его паспорт... Я сейчас, сейчас... *(Идет в свою комнату, лихорадочно ищет паспорт.)* Забыл, совершенно забыл, куда его положил. Вот голова стала... Ага, нашел! *(Снова выходит в центральную комнату, отдает Алле паспорт.)*

А л л а *(совершенно растерянно и робко)*. Но тогда нужно, чтобы Альберт пошел со мной. Я должна его познакомить...

К и м. Сейчас?

А л л а. Да... Я, конечно, могу позвонить, перенести на завтра.

К и м. Нет, зачем же, сейчас так сейчас... Иди-ка сюда, Альберт!

Альберт подходит к отцу.

Ну, ты веди себя... ты понимаешь...

А л ь б е р т. Папа, я не хочу ехать.

К и м. Это неправда, ты хочешь, я знаю. Не считай, пожалуйста, своего отца глупцом. Ты хочешь.

А л ь б е р т. Может быть, не надо?

К и м. Вопрос решен, ты знаешь. Если я решил — решил.

Л е в а *(тихо Альберту)*. Переступаешь? Молодец!

А л ь б е р т. Только бы мне потом переступить через вас.

Алла. Ну, Альберт, пойдем.

Альберт. Идем, мама.

Алла прощается со всеми за руку. Подошла к Киму и вдруг, взяв его голову в руки, стала его целовать, целовать, целовать.

Ким *(отстраняясь, всем)*. Всегда была экзальтированная... эксцентричная. В школе в седьмом классе влюбилась в преподавателя географии. Так в учительской раздевалке себе на память от его пальто кусок материи отрезала. Огромный. Потом хулиганов по всей школе искали.

За окном раздается крик.

Альберт. Дед... Нина... Папа... Если я когда-нибудь забуду... все это... И этот крик за окном... и вас... Если изменюсь... и стану этим... я прошу: где бы я ни был, где бы... найдите, пожалуйста, найдите меня и сделайте со мной все, что хотите... *(Пауза.)* Папа, а в Прибалтику мы еще съездим. И Кижи увидим... обязательно.

Альберт и Алла уходят.

Большая пауза.

Лева кладет последние предметы в своей чемодан. И вдруг мы слышим всхлипывания. Как ни странно, это плачет Лева. Он выпрямляется и неловко, тыльной стороной ладони, по-ребячьи вытирает слезы.

Нина. Что это тебя разобрало?

Лева. Выплыло... Что-то выплыло... Оттуда, из детства. *(Стоит, плачет. Пауза.)* И мне пора... Пойду. *(Улыбаясь сквозь слезы.)* А то отберут номер, хоть и заплачено. У нас, знаете, могут. *(Возится со своим дорожным чемоданчиком.)*

Нина подходит к неподвижно стоящему Киму, обнимает брата за плечи.

Нина. Ничего, Ким, ничего... Может быть, он по той беговой дорожке добежит, наш Алька. Ну, не может не добежать! В нем ты, я, наш дом, все вокруг. Добежит! И станет чемпионом мира, а?

Ким. Все нормально! Все очень нормально! Побольше надо будет работы взять, побольше!.. Побольше!.. А путевки я сдам... Один, конечно, не поеду. Одному зачем? Верно?

Нина. Жаль, я не могу с тобой.

Ким. Сдам, а они кому-то достанутся. Вот повезет людям, верно? Кому-то здорово повезет, да?

З а н а в е с